П 29
34

ПИОНЕР

21

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1935 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 21

Орган Центрального комитета ВЛКСМ
Адрес ред.: ул. Горького, 48. Тел. 5-57-38

Ноябрь 1935

К РИСУНКАМ НА ОБЛОЖКЕ

Нет более забавных зверят чем медвежата: целыми часами они кувыркаются, дразнят друг друга, гоняются друг за другом, с чрезвычайной ловкостью залезают на верхушки деревьев. Бурые, обыкновенные медведи, подрастая, настолько тяжелеют, что уже не могут карабкаться по деревьям.

Совсем другое дело гималайские медведи! У этих медведей не бурая, а черная окраска, а на груди белая манишка! Они прекрасно лазают на самые высокие деревья, а в молодом возрасте это такие шалуны, что бурые медвежата по сравнению с ними кажутся совсем тихими зверьками.

Когда в загон на «Острове зверей» Московского зоопарка, отгороженный с одной стороны глубоким бассейном с водой, а с другой — высокой каменной стеной, был впущен гималайский медвежонок, он тотчас же вскарабкался на дерево, удобно уселся на тоненьких веточках, огляделся, внимательно осмотрел каменную стену. Потом быстро спустился с дерева и как по лестнице начал взбираться по отвесной и, казалось бы, гладкой стене. Бурые медвежата полезли было следом за ним и не смогли забраться на стену, а гималайский медвежонок перелез через стену и удрал с «Острова зверей». Его потом долго ловили. Стену выровняли цементом и опять впустили туда медвежонка. Этот медвежонок нарисован на обложке журнала.

Гималайские медведи живут в лесах Гималайских гор, в Афганистане, в Белуджистане, в Северной Индии и в Южном Китае. У нас в Союзе гималайские медведи водятся на Дальнем Востоке — в Уссурийском крае.

Живут они в ущельях, в дуплах деревьев, там они спят сидя. Летом они устраивают свои «дачи» высоко на деревьях, сплетая из веток легкие «домики».

На людей гималайские медведи нападают очень редко, но их надо опасаться, так как они очень подвижны, ловки и изворотливы. Питаются они главным образом плодами, корнями и ягодами.

На четвертой странице обложки грифы — самые крупные хищные птицы. Водятся они в горах Южной Америки, питаются большей частью падалью, но многие грифы нападают и на животных, даже на крупных копытных, например на лам, телят и других. Нападают они на животных очень хитро: преследуют и гонят их в таком направлении, чтобы солнце светило им не в глаза, а в спину. Когда гриф вонзает свои острые когти в уставшее от преследования животное, оно поворачивает голову, солнце ударяет в глаза, и животное, ослепленное солнцем, уже неспособно защищаться и погибает под ударами когтей и клюва мощной птицы.

В Московском зоопарке грифы живут на вершине большой горки. Горка не окружена сеткой, и грифы не привязаны. Но улететь они не могут, потому что у них подрезаны перья одного крыла. Грифы пытаются взлететь, но сейчас же теряют равновесие и падают.

Если подрезать равномерно перья обоих крыльев, то грифы, конечно, улетели бы, только их полет был бы медленней чем при неподрезанных крыльях.

МАЛЬЧИК У ТЕТНУЛЬДА

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Рассказ альпиниста

А. Письменный

Рисунки П. Митурича

На высшей точке перевала ревел ветер. Мы сняли мешки и разлеглись на обледенелых плитах шифера. Николай достал путеводитель, а я открыл рюкзак и вынул флягу с какао.

Отдохнув, мы пошли вниз. Южный склон, засыпанный снегом, был очень крут. Он падал вниз почти отвесно, слегка забирая влево. Ветер заглох, как только мы спустились на десяток метров, и тишина снова окружила нас.

Мне было странно в конце июля, поднявшись из долины, усаженной кукурузой и кавунами, попасть в снега и мерзнуть ночью под одеялом.

Шли мы по снегу очень долго.

Потом вдали показались склоны, покрытые хвойным лесом, и мы подумали, что уже скоро можно будет скинуть мешки и поесть горячего. Но тут началось море́нное поле. Огромные, обглоданные льдом каменные глыбы покрыли все ущелье и тянулись далеко вперед. Мы вошли на морену и резво запрыгали с камня на камень. Мы прыгали, не выбирая более легкого пути. Нам это казалось забавным. Я взобрался на гигантскую глыбу и закричал Николаю:

— Влезай ко мне!

Но у него болела нога, поврежденная еще в Балкарии, и взобраться на глыбу ему было трудно.

Вскоре мы поняли, что морена — неподходящее место для игры. Мы начали забирать вправо, чтобы сойти с моренного поля, но на краю морены поднимались скалы, и нам пришлось продолжать утомительную гимнастику. Она становилась невыносимой. Мы прыгали с камня на камень, мы скользили, оступались, повисали всей тяжестью на альпенштоках, говорить нам было не о чем и некогда. Николаю прыгать становилось все трудней и трудней. А помочь ему я ничем не мог. Еще по ту сторону перевала я взял из его рюкзака неначатый каравай хлеба, одеяло, консервные банки и переложил в свой. Теперь взять у Кольки что-нибудь еще я не мог; его мешок и так весил наверняка не больше пяти кило.

Морена поворачивала влево. Солнце светило теперь нам прямо в лицо. Камни становились мельче, но идти стало, пожалуй, еще труднее. Это дикое нагромождение камней казалось совершенно бессмысленным, но вместе с тем было похоже, что все это привезли сюда нарочно, словно собирались мостить ущелье, но потом раздумали.

Никакой смелости и особенной природной силы не требовало путешествие по этой морене. Главным здесь было упорство, упорство и больше ничего. Ты страшно устал, сердце совершенно измотано, мышцы рвутся от напряжения, ты больше не можешь: воздуху не хватает твоей груди, но ты все же идешь, идешь, идешь — альпеншток вперед; приостанавливаешься, прыгаешь — альпеншток вперед; приостанавливаешься, прыгаешь, прыгаешь, прыгаешь; скользишь, срываешься и снова прыгаешь — альпеншток вперед; приостанавливаешься, прыгаешь. На потной твоей спине ерзает мешок, котелок ухитряется шлепать тебя по заду, на руках волдыри от альпенштока, ноги в волдырях и ссадинах, на носу и на губах язвы от солнечных ожогов; ты устал так, что трудно поднимать веки, но ты идешь и идешь без конца.

Я шел впереди. Я уже не прыгал, а сползал или вскарабкивался, но морене все еще не было конца. Когда я оглянулся, Николая не оказалось позади меня.

— Колька! — закричал я.

Ответа не было. Совсем обессиленный, я пошел назад. Николай сидел на камне, скинув ремень рюкзака с одного плеча; руки его лежали на коленях,

он сидел, привалившись боком к мешку, и неподвижно смотрел вниз. Альпеншток, воткнутый в щель между камнями, торчал рядом.

— Что случилось?

— Больше не могу, — сказал он,—нога болит. Иди один, я немного отдохну. Иди один! — закричал он вдруг. — Понял? Один иди!

Я схватил Кольку за воротник и со злостью встряхнул его. Я что-то рычал и тряс его, он испуганно посмотрел на меня.

— Ты с ума сошел. Что ты делаешь? — прошептал он, но встал.

Мы снова прыгали по камням. Журчанье воды становилось сильнее, камни мельчали, вскоре мы вошли в тень, потом сразу наступили сумерки.

Здоровеннейшая каменная глыба преграждала путь морене, и сбоку от нее, из-под зеленой губы ледника, вылетал взбешенный ручей. Его тут же начинало корежить и ломать о камни, наваленные в русло. Он брызгался и, взрываясь, переваливал через них, вспученный, свирепый, изнеможденно вертящийся в провалах и снова скакал вперед.

Наконец-то начался лес и появились обитаемые места — тропинка; мы пошли по ней, то тут, то там виднелись свежие следы порубки. К реке сползали заросли рододендрона. Земли видно не было. Все росло словно из камней.

К палаткам базы мы подошли в темноте. Палаток было две: одна чуть выше другой. Между ними, на маленькой горизонтальной площадке, горел костер. Навстречу нам встал плотный человек в соломенной шляпе. Николай кивнул ему и, сбросив мешок, спросил:

— Хозяин?

— Определенно, — сказал заведующий, — вы вдвоем?

Николай, кивнув, устало свалился на землю.

Заведующий был плотный мужчина, под шляпой сидели маленькие глаза, на висках завивались кудряшки. Оглядев нас, он спросил:

— Консервов хотите?

— У нас есть,— ответил я и тоже сел на землю.

— Здорово устали?

— У него что-то с ногой,— ответил я неуверенно и показал на Кольку. Заведующий точно обрадовался.

— А что именно? Вывих, нет?

— Ну, вывих,— сказал Николай,— коленку ломит, вот и все.

— Это ревматизм,— заметил я,— мы зря на Чегеме в траве спали.

— Иодом надо помазать. Определенно, — сказал заведующий,— иод у вас есть?

— Мазали иодом,— сказал я,— нас вдобавок такой ливень захватил...

— Ладно, это не имеет значения,—сказал Колька.

Я отстегнул котелок и спросил заведующего, где у них вода.

— По тропинке вниз, — сказал он, — там колода лежит. Метров сто, не больше.

Кругом стояли темносиние горы. Верхушка Тетнульда была розовая, словно раскаленная солнцем. Теперь она остывала в темноте. С той минуты, как я снял рюкзак, меня все время клонило вперед, нужно было делать усилия, чтобы не опрокинуться.

Я прошел наверняка больше ста метров, но воды не было, и вообще ничего не было видно. Я спустился еще, стала слышна река, между деревьев я увидел ее серебряную поверхность. Тропинка поворачивала на изгибе, во впадине зазвучал родник.

— Водопровод, что б его!—выругался я и, набрав воды, пошел обратно.

У палаток я услышал голос Николая.

— Скучно у вас здесь? — спрашивал он.

— Кому как, — отвечал заведующий.—Вы определенно пропали бы со скуки.

— Вещь возможная,— согласился Николай и оглянулся на мои шаги,—набрал?

— А то я, по-твоему, светляков пошел собирать. Сто метров говорит...

— Ну, может двести,— сказал заведующий.

— А может пятьсот?

Наконец-то начался лес и появились обитаемые места.

Пока я ходил за водой, Колька даже не позаботился развязать рюкзак и вынуть еду. Но я ему ничего не сказал: я для этого слишком устал, и мне, в конце концов, было наплевать. Я поставил кипятить воду и сам достал хлеб, нарезал его, вынул какао, и манную, и сахар. Он сидел и мечтал как дурак. В няньки я ему нанимался...

— Хворосту вам придется потом собрать,— сказал заведующий,— у нас самообслуживание.

— Ладно,— сказал я,— соберем вам хворосту.

За палаткой послышались шаги. Николай настороженно оглянулся.

— Ничего, это Сильвестр,— сказал заведующий.

Мы посмотрели на него.

— Мальчик-сван, — сказал заведующий, — ничего, он в гости сюда приходит.

— Имя иностранное,— заметил Колька.

— У сванов часто встречаются такие имена. Габриэль, например. А отца у Сильвестра Баградом звали.

После ужина мы начали укладываться спать. Решили ложиться в одной палатке, чтобы было теплей. Свету в палатке не было, но когда заведующий снял шляпу, мы разглядели, что он не то лыс, не то обрит

наголо. Кудряшки были пришиты к полям шляпы. Странное это кокетство в горах удивило нас.

Перед сном я вышел и при свете догорающего костра увидел худенького мальчика. На ногах у него были надеты джабуры, в руках он держал палку. Лицо мальчика казалось прозрачным, а глаза—непропорционально большими. Он сидел на камне и задумчиво смотрел на багровую верхушку Тетнульда.

— Что это парень сидит там? — спросил я, вернувшись в палатку.

— Тут была одна история,—сказал заведующий.— Вы как, очень хотите спать?

— Если история недлинная, послушать можно, — ответил я, заворачиваясь в одеяло.

— Валяйте, дело ваше,— сказал Николай.

Поговорить заведующий, видимо, любил, и, так как перевал открылся недавно, он изголодался по слушателям.

— Тетнульд видали? — сказал он. — Вот однажды приходит в Жабеш [1] научная экспедиция — два альпиниста и профессор, ученый. Им нужно установить на вершине автоматическую станцию для передачи по радио сигналов о погоде. Конечно, потребовался проводник. Отец Сильвестра, этот самый Баград, был вообще не столько кузнецом, сколько охотником. Ну, он и взялся за это дело. Вот они сторговались и пошли...

— Ты спишь, Колька? — спросил я.

Он что-то пробурчал в ответ.

— Ну, ладно,—продолжал заведующий,—пошло их, значит, четверо. Потом, когда они вернулись, эту историю альпинист, Сергеев по фамилии, рассказывал.

— То есть почему вернулись? — спросил Колька.

— Ну, потом, когда они вернулись, они ведь пошли вчетвером, вы что — прослушали? По леднику они прошли благополучно. Снегопада не было много дней, и трещины были открытые. На скатах они работали на веревке. Сван тоже был на веревке. Понимаете?

— Ну-ну,— сказал Колька.

— Сван шел впереди. Целый день они форсировали скалы и только в темноте взяли их. Там была удобная площадка, на ней устроили ночевку.

Тут, я очевидно, что-то пропустил, потому что услышал вдруг ни с чем не связанную фразу:

— ...Сван все никак не мог согреться.

— Постойте, почему согреться?

— Ну, они же промокли,— рассердился заведующий,— во время сна их дождь со снегом захватил. Вы слушайте, а не спите. Дальше под'ем шел по гребню, до ледяной, почти отвесной стены. Стенку эту можно было, говорят, обойти: по другую сторону вершины была седловина и более легкий под'ем наверх. Но для этого пришлось бы потерять сутки. Альпинисты, конечно, заявили, что терять сутки нечего, надо штурмовать стену. Баград их отговаривал, но потом согласился. Они начали рубить ступеньки, на стене их настиг ветер, понимаете? Они поднялись над гребнем, место открытое, ну и — ветер. Одежда обледенела, веревка тоже обледенела, но они продолжали под'ем. И тут вдруг Баград останавливается и говорит, что на карниз им не войти, висит над карнизом лавина. Снизу ее не было видно. Люди уж были измотанные, подумали и решили: делать нечего, на карниз лезть нельзя.

— Колька, ты не спи,— сказал я,— это интересная история.

[1] Жабеш — селение в Сванетии.

Они начали рубить ступени в ледяной стене.

— Ладно, — сказал он, но я понимал, что ему зверски хочется спать.

— Когда они спустились вниз и только Баграду оставалось сделать два—три шага, лавина ухнула, Баграда сбило со льда, перенесло через гребень, и они не почувствовали даже особенно сильного толчка, веревка лопнула и — точка. Возможно, ее даже не перерезало о скалы, она была обледенелая и могла просто сломаться как сосулька. На другой день

люди вернулись в селение, и старший сын Баграда пошел искать тело отца. Он был гордый парень и пошел один. Он пошел один и больше не вернулся.

— Хорошо,—сказал я,—а Сильвестр при чем?

— А Сильвестр, это самое забавное. Когда погиб брат, он пошел к профессору и предложил: «Давай я поведу на вершину». Понимаете? Ему было лет тринадцать, и он хотел вести их на вершину.

— И они пошли?

— Да нет! Вы понимаете, мальчишка не собирался искать тело отца и брата, он предложил вместо отца повести их на вершину. Ну, ученый очень смеялся и дал мальчишке плитку «Золотого ярлыка». Сильвестр не то, чтобы обиделся, шоколад взял, конечно, но рассердился. Понимаете?

— А шоколад взял? — спросил Николай.

— Ну, и что с того? Шоколад взял, а вечером прибегает его мать, говорит: стащил у нее кукурузных лепешек и кусок сыру, и пастухи его видели, когда он поднимался по леднику. Утром альпинисты пошли ловить мальчишку. Знаете, где они его поймали? На карнизе, над ледяной стеной. Как он туда добрался, чорт его знает. Ступеньки, которые они рубили во время своего неудачного под'ема, были мальчику не по росту, затем их уже сгладило, и альпинистам, когда они полезли за парнем, пришлось подрубливать их снова, а он прошел. Прошел без «кошек», с одной палкой, один. Понимаете?

— Ну, ну, валяйте,— сказал Колька.

— Они взяли карниз и говорят мальчишке: «Идем назад». А он не хочет.

— Ну и пустили бы его взять вершину,— сказал Колька.

— До вершины вы думаете рукой подать? Туда асфальтовой дороги не проложено. Взрослый альпинист язык высунет, не то что мальчишка тринадцати лет. Ну, ладно. Парня подняли, а он еле на ногах стоит. Кое-как свели его вниз, отдохнули, говорят: «Идем домой». А он не хочет. «Иди,— говорят,—а то вот, веревкой!» Он палку поднял, понимаете? Тогда они его связали и спустили к подножью скал. Он ревет, кричит: «Все равно полезу». Что ты будешь делать? Потащили его к матери. Женщина плачет, крику не приведи бог. Заперли Сильвестра в башню, просидел он там семь дней на самом верху, а от своего не отказывается. Тогда пошел к нему в башню профессор. «Ты,— говорит,— подожди. Когда ты подрастешь, мы тебе поручим автоматическую станцию доставить на вершину, а пока ты больше не лазай. Хорошо?» «А ты не обманешь?» — спрашивает мальчишка. Как они там договорились, я не знаю. Но вот уже два года прошло, мальчишка все ждет, когда ему поручат станцию на Тетнульд нести. Он приходит сюда ко мне в гости: профессора ждет. Вот такая с ним история.

— Здорово,—сказал я,—какой парень, а, Колька?

— Да,— сказал Николай,— занятно. Ну, а теперь давайте спать.

Заведующий вздохнул, покряхтел, через минуту я услышал мерное его посапывание.

Немного погодя я снова вышел из палатки. Шакалы рванулись в лес и затявкали там. Костер уже потух, и никого возле него не было. Вершина Тетнульда была синей и пустой. Было очень холодно.

Утром, когда мы, позавтракав, собирались в дорогу, Николай вынул из моего рюкзака каравай, одеяло, консервные банки и положил в свой.

— Ты что? — спросил я.

— Давай, давай. Собирайся,— ответил он. —У меня нога уже прошла.

— Неужели за одну ночь нога прошла?

— Сказал — прошла, значит, прошла.

— Быстро она у тебя прошла.

— Ладно! Давай собирайся.

— Вот что...— начал я.

— Будешь ты собираться, или мне одному идти?

— Ну, что ж,— сказал я,—дело ваше.

Мы подняли мешки, защелкнули ремни, заведующий был уже в шляпе, великолепные кудряшки выглядывали из-под нее, он помахал нам рукой и пожелал удачи.

Николай шел впереди. Я видел, что он старается не хромать, но это ему плохо удавалось.

ТОВАРИЩИ ПОМНЯТ О НИХ

Приехавшая недавно испанская писательница Маргарита Нелькен передала нам фотографии и рассказала о нескольких случаях героической борьбы испанских революционеров в прошлом году. Эти фотографии мы печатаем в «Пионере».

Это Кармина Лопес, 20-летняя студентка. Она была заключена в тюрьму, где пробыла несколько месяцев вместе с другими девушками, обвиненными в помощи революции.

Пока они были в тюрьме, сотни товарищей приходили к тюрьме, желая показать, что они не забывают о них.

Во всех испанских провинциях девушки и юноши, рабочие и студенты героически сражались с фашистами. Те, которые не могли сражаться, помогали восставшим, раздавая агитационные листовки. Полиция арестовывала каждого, кто попадался с листовками. Но как полиция ни пыталась узнать у арестованных, кто передал им эти листовки, никто не выдавал.

БРАТ И СЕСТРА

В Мадриде молодые рабочие свой день отдыха проводили за городом. С наступлением ночи улицы Мадрида наполнялись веселыми толпами молодых людей и девушек, возвращающихся с песнями, опьяненных солнцем и воздухом после тяжелой трудовой недели. Семья Рико, две девушки и трое юношей, провели свой выходной день у реки. Они весело возвращались домой, как вдруг из-за угла раздались выстрелы. Хуанита Рико и ее брат Лино упали, обливаясь кровью. Стреляли из автомобиля. Это дикое нападение было сделано кучкой аристократов-фашистов, пустивших машину полным ходом и скрывшихся, в то время как прохожие кинулись на помощь раненым.

Хуанита Рико умерла от ран. Лино, хороший, талантливый работник с большим будущим, лишился ног и остался инвалидом на всю жизнь.

Номер автомобиля был записан, и

по нему легко узнали имя владельцев. Но буржуазный суд, разумеется, не нашел достаточного доказательства для осуждения и оставил их безнаказанными.

СЛОВО ГЕНЕРАЛА ОКАО

После нескольких недель борьбы войска революционных рабочих окружили две колонны правительственных войск генерала Лопеца Окао и генерала Воша, но у рабочих не осталось больше патронов. Революционный комитет решил послать парламентера к генералу правительственных войск для обсуждения условий перемирия. Пошел туда председатель комитета, горняк Белармино Томас.

Генерал Лопец Окао принял его с большим почетом и подписал перемирие. Рабочие, доверившись этому слову, сложили оружие, но как только буржуазный генерал увидел, что ему нечего больше бояться, его войска принялись за убийства и грабежи. Происходили такие дикие сцены, что невольно вспоминались варварские разгромы Рима в древности.

Председателя революционного комитета, которого с таким почетом принимал генерал, когда у горняков еще было оружие, теперь повсюду разыскивали, чтобы расстрелять. Его нигде не нашли, тогда разграбили его дом и арестовали детей. Его дочь Пюрификацион, 17 лет, несколько часов водили по улицам под проливным дождем, босиком, в сопровождении группы гвардейцев и фашистов, оскорблявших ее и угрожавших ей. Его шестнадцатилетнего сына Урселино гвардейцы забрали в промышленной школе, где он занимался, и отвели в монастырь, превращенный в казарму гражданской гвардии. Чтобы заставить Урселино выдать, где скрывался отец, его поставили к стене, положив на нос монету, которую надо было удержать в равновесии. Как только он шевелился, монета, конечно, падала на землю, и он получал удар прикладом.

Эта пытка продолжалась тридцать часов, после чего он упал без чувств.

МОНЕТА РЕВОЛЮЦИИ

Революция оставила свои следы по всей Испании и особенно в Астурии во всех проявлениях повседневной жизни. Там ежедневно встречаются монеты, на которых революционеры выгравировали эмблему серпа и молота, те, которые имели широкое хождение во время славных дней Октября.

„ЗАЩИТНИКИ ПОРЯДКА"

В Овиедо «покончить» с героями революции взялись африканские войска и иностранный легион. Этот легион был составлен из всякого международного сброда, в котором преобладали русские белогвардейцы.

На одной из улиц Овиедо они встретили оставшуюся одну в живых у пулемета молодую Аиду Лафуентэ, шестнадцатилетнюю девочку, прозванную «Ла Либертариа» за ее энтузиазм в борьбе за свободу. Один из марокканских солдат выстрелил в нее в упор, и она упала на трупы своих убитых товарищей с криком «Да здравствует коммунизм!»

Проведя целый день в убийствах и грабежах, войска захотели отдохнуть и направились к тому месту, где, как они знали, было много кроватей, — к госпиталю. Кровати были заняты больными и ранеными. Что за дело до этого убийцам?! Войска, которые буржуазия называет «защитниками порядка», вытащили больных и раненых из кроватей, выбросили их на улицу и, чтобы отделаться от них, расстреливали их. Среди этих раненых было

много ребят. Один из них, пятнадцатилетний мальчик, полураздетый, пытался спастись, но его расстреляли как и других посреди улицы.

ТАБИБ*

А. Югов

Рисунки А. Брея

Пески заметно редели. Все ниже и ниже становились барханы, и все чаще они перебивались площадками галек и плитняка.

Отряд пионерской экспедиции вышел на проселочную дорогу, то песчаную, то каменистую. Пустыня осталась позади, но вокруг простиралась сожженная солнцем степь, покрытая кое-где серой дымкой полыней и валунами, пестрыми и белыми, похожими на черепа.

Наконец, дорогу пересек первый арык. Через канаву, шириной в полтора — два шага, наполненную мутной, почти неподвижной и запылившейся сверху водой, была перекинута плита из дикого камня. Это был мостик.

Начиная с того берега арыка дорога и почва разительно изменились. В глубокой, пышной и желтой, словно тертый табак, пыли ноги тонули по колено. Дышать стало трудно, в горле першило.

Вожатая Лена отдала приказ — идти гуськом, далеко отстав друг от друга.

Скоро во всех направлениях сквозь красноватый сухой туман засверкали арыки. Валы светлосерой земли, накиданные вдоль еще сухих канав, придавали окружающему пространству вид поля, изрытого окопами.

Темный оазис кишлака показался на горизонте.

Зелени, пока еще пропыленной, засохшей, становилось все больше. Поодаль дороги местами виднелся высокий тростник с метелками.

Жилое место, казалось, вот-вот будет, но все-таки ребята не вытерпели и попросили начальника экспедиции Наталью Михайловну еще раз остановить погонщика — напиться.

Несколько девочек отошли второну и уселись на камне. Подошли еще две, но для них уже не было места. Тогда они решили подкатить камень, лежавший поблизости, вместе налегли на него и сдвинули с места.

Вдруг они вскрикнули и отбежали.

Наталья Михайловна, вожатая, Костров — все бросились к ним.

Запыхавшись, подбежал доктор.

— Ой! — рассказывали испуганно девочки, — только мы сдвинули чуть-чуть камень, а под ним, в песке, в норке, сидит рак, с клешнями, живой!

— Не подходите, не подходите туда, — кричала ребятам Наталья Михайловна. — Это, наверное, скорпион. Укус его страшно опасен.

— Да, юные мореплаватели, не советую! — подтвердил доктор.

Но разве можно было удержать Кострова! Особенно когда сама Наталья Михайловна сказала, что опасно, и девочки на него смотрели.

Делая вид, что он слишком поздно услыхал предостережение, Костров вмиг очутился возле сдвинутого камня.

На уплотненном песке отпечатались очертания глыбы. Сначала Костров ничего не мог разглядеть особенного. Только небольшая грядка земли — и все.

Вдруг у него екнуло сердце и даже в жар бросило. Он отступил. Но тут же вспомнил, что на него смотрят, и опять придвинулся, хотя и не знал, зачем.

Так он стоял, склонясь над камнем и опершись руками о колени. За спиной он чувствовал дыхание столпившихся товарищей. Он сам не знал, что он сейчас сделает. А сделать что-нибудь — он чувствовал — было необходимо.

Заговорить Костров боялся: а вдруг случайно охрипнет голос, а подумают, что это от страха.

Положив клешни на грядку земли песчаножелтого цвета, прикрывающую вход в его жилище, словно забронированный скорлупой, скорпион застыл неподвижно, приготовившись к защите.

* По-узбекски—знахарь, лекарь.

Да, с первого взгляда он, действительно, напоминал маленького рака, размером в пять-шесть сантиметров.

Но та невольная дрожь отвращения, которую испытал Костров, разглядев скорпиона, служила явным доказательством, что при внешнем поверхностном сходстве в этом омерзительном существе нет ничего общего с как бы добродушными, простыми, что ли, очертаниями речного рака.

Здесь каждая подробность строения, каждый членик тела говорили о чем-то ядовитом и нечистом.

Раздутое к середине, членистое, жесткое брюшко, покрытое с боков фасетками, напоминало четки. Вдоль всего тела тянулись с той и другой стороны острые и неприятные для глаза гребни.

Последний, хвостовой членик оканчивался как бы остро отточенным и загнутым кверху когтем, переходящим в шип.

Головы, казалось, не было совсем, а только по бокам того места, где она должна быть, выступали две несоразмерно огромные уродливые клешни.

Костров взял в правую руку платок и сквозь него хотел схватить скорпиона.

Кто-то из девочек вскрикнул.

— Костров, ты глупости делаешь!—закричала на него Лена. Она дернула его за рукав. И вовремя!

Отвратительное существо вдруг выгнулось, задрав кверху хвостовую часть тела, и ядовитый шип закачался, словно нацеливая удар.

В этот миг скорпион чем-то напоминал акробата, идущего на руках по арене цирка.

— Ого! — сказал Костров, как бы в шутку, однако побледнел и уже сам отступил еще на шаг. Круг зрителей возле камня раздался.

Один из ребят снял с себя пояс и протянул Кострову:

— Давай в петлю его, — сказал он. Но встретившись взглядом с вожатой, скрылся за спинами товарищей.

Кто-то предложил прикончить скорпиона камнем. Но тут решительно запротестовали девочки: на них лежала ответственность за все коллекции, которые предстояло собрать отряду.

— Ни в коем случае, — заявили они. — Если хотите, — убейте, но только так, чтобы все лапки были целы. Посадим в банку. У нас же в кабинете нет такого.

— Вся лапка целый будет, — послышался сзади голос старого проводника-узбека. Ребята расступились.

Он подошел к скорпиону, наклонился, подстерег момент и вдруг мгновенным движением зажал кончик его хвоста между большим и указательным пальцами.

Скорпион отчаянно изогнулся, и клешни и средние лапки его пришли в судорожное движение, загребая землю.

Старый узбек рассмеялся, прищелкнул языком и наложил пальцы другой руки на клешни скорпиона. Таким образом, тот оказался растянутым на песке и почти обездвиженным, и только середина его тела изгибалась в напрасных попытках вырваться.

Взяв его в таком положении, старик, посмеиваясь, стал показывать свою добычу ребятам. Все отшатывались.

Но когда он приблизил скорпиона к глазам Лени Кострова, тот рассмеялся и протянул за ним руку.

Проводник испуганно отдернул руку со своим пленником:

— Она воробей умирать может! — сказал он сурово и предостерегающе кивнул головой на скорпиона.

Леня Костров рассмеялся.

— Ну, мы-то во всяком случае не воробьи! — сказал он. — Да и это, неверно, сказки одни, что в них яд есть. А раз ты держишь, — значит, и я могу и каждый...

Старик что-то гневно и неодобрительно пробормотал по-узбекски. А затем на русском языке требовательно и укоризненно обратился к Наталье Михайловне.

— Ты ученый человек. Зачем не скажешь, какой яд в нем есть?!

— Очень сильный яд, я знаю, и я говорила им, Курбан, — серьезнейшим тоном ответила ему Наталья Михайловна.

Лицо старого узбека прояснилось.

— Якши,—одобрил он.— Толстый рука бывает? — спросил он затем у нее.

Наталья Михайловна сразу и не поняла, о чем он спрашивает.

— Бульно бывает? Жарко бывает? — пояснил он.

Тогда только ей ясно стало, что он говорит о последствиях укуса скорпиона, о том, как распухает и болит укушенная рука.

И Наталья Михайловна несколько раз кивнула головой.

Узбек тоже закивал головой, удовлетворенно улыбаясь.

— Гляди на мой рука теперь,— обратился он уже ко всем.

И лицо его вдруг приняло какое-то устрашающее выражение.

Он сложил руки пригоршнями, не давая скорпиону выкарабкаться и упасть в песок.

Он сложил руки пригоршнями и, не давая лишь скорпиону выкарабкаться и упасть в песок, предоставил ему полную свободу ползать по ладоням.

Скорпион «делал мост», отвратительно изгибался, закидывая клешни поверх рук, стремясь убежать, но это ему не удавалось. Старик всякий раз движением крайних пальцев отбрасывал его назад.

Девочки не стали смотреть. Лена и Наталья Михайловна уговаривали Курбана оставить этот рискованный опыт, но старик только отрицательно потряс головой.

Наконец, выведенный из терпения, скорпион схватил клешнями палец старика, страшно, словно дракон, изогнул все тело и сразмаху всадил в руку старого узбека свое черное жало.

У многих вырвался крик сострадания и боли.

— Что вы делаете?! — вскричала Лена и уже схватила за плечо одну из девочек, чтобы немедленно послать ее за аптечкой.

Но старик остановил их. Он спокойно положил неуклюже извивавшегося скорпиона на землю, слегка прижал его подошвой сапога и занялся осмотром черной, некровоточащей ранки.

— Якши, — сказал он и засмеялся совсем как ребенок. Затем смочил слюной палец, помазал укушенное место и позвал своего Джарора. Пес, отдыхавший в тени верблюда, тотчас примчался на зов хозяина.

Старик убрал ногу со спины скорпиона и что-то сказал собаке.

Джарор зарычал, затрясся всем телом, ощетинился и после короткой стойки кинулся схватить врага.

Скорпион угрожающе задрал хвост, прицеливаясь своим черным жалом.

Собака отпрянула. Ребята захохотали.

Узбек укоризненно, а потом и гневно что-то сказал ей.

Тогда Джарор, яростно и трусливо взвизгнув, с раскрытой пастью бросился на скорпиона.

Казалось, он уже схватил его, но тотчас же завизжал и, мотая укушенной мордой, кинулся прочь.

— Он умрет?! — с беспокойством спрашивали ребята у старика.

— Зачем умрет! — живой будет. Похворает мало-мало, — отвечал старик.

...Тронулись дальше. Дорогой ребята время от времени осведомлялись, в каком состоянии укушенная скорпионом рука проводника. Курбан усмехаясь показывал им ранку. Она была не больше булавочного укола. Не было ни малейшей красноты, ни опухоли.

А позади, прихрамывая и даже останавливаясь время от времени, тащился несчастный Джарор.

Щека собаки, укушенная скорпионом, сильно распухла, и один глаз затянуло опухолью.

Такой вид бывает у неопытного пчеловода.

Наконец, санитарный кружок сжалился над беднягой. Девочки подманили Джарора к себе, схватили его. Одна удерживала его на коленях, другая в это время смазала ему укушенную щеку иодом и забинтовала наискось голову.

— Якши, якши, — бормотал одобрительно проводник.

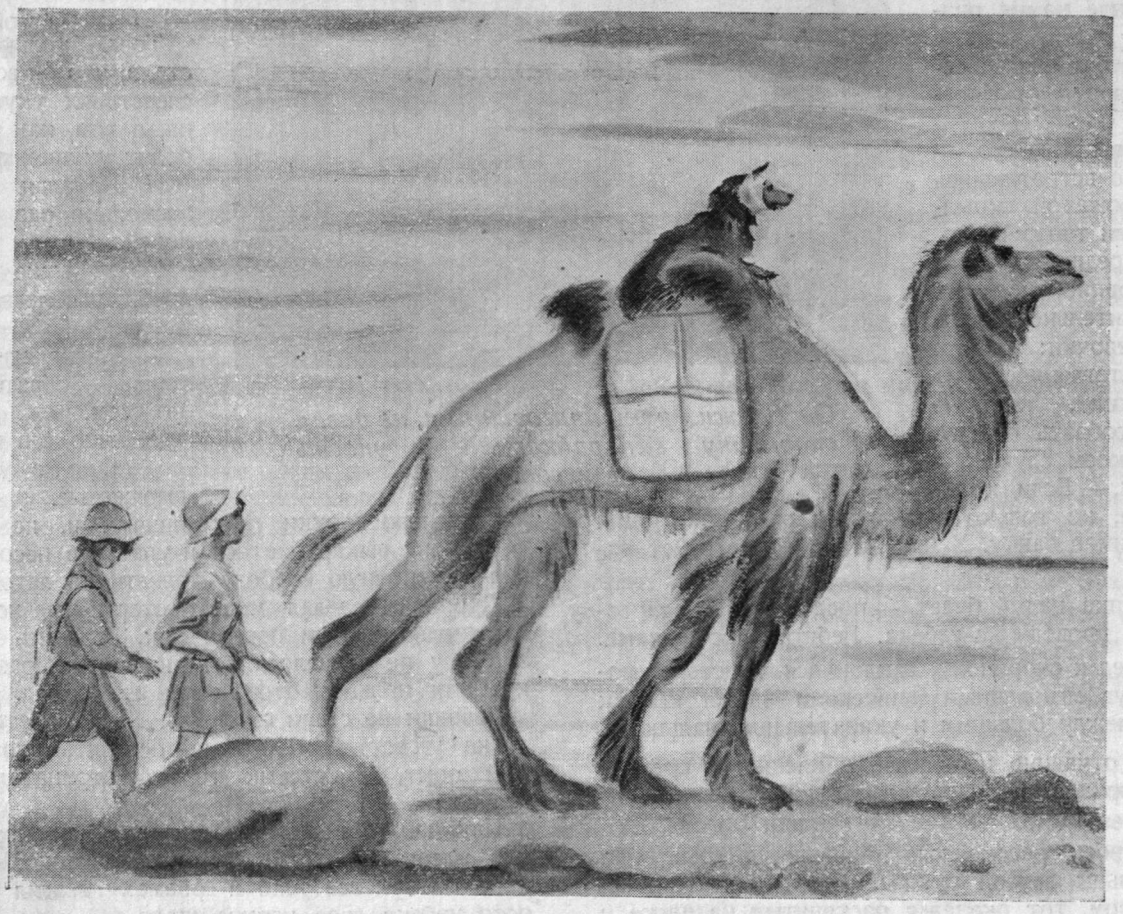
Наконец, и он пожалел своего бедного пса и посадил его на верблюда между вьюками.

Покачиваясь в такт верблюжьему шагу, забинтованный пес уныло и укоризненно посматривал на всех своим здоровым глазом.

— Чорт-те что! — пробормотал озадаченный всем этим происшествием доктор.

Ребята обступили его, требуя об'яснений.

— Видите ли... дело тут такое, юные мореплаватели, — отвечал он. — Об этом я уже слыхал неоднократно, но вижу, признаться, впервые. Фокуса тут, конечно, нет — дело чистое. И я полагаю, об'яснить надо так: иммунитет. То есть этот человек, вероятно, еще в детстве не раз подвергался укусам скорпионов и не умирал, конечно; укусы эти хотя и тяжелы, но не смертельны. В конце концов против яда скорпиона в крови этого человека выработалось противоядие... Нечто вроде прививок, юные мореплаватели...



ШТУРМ ПЕРЕКОПА

Рассказ командира дивизии тов. В. В. Хлебникова, участника штурма Перекопа

Мы гнали Врангеля. Я был тогда командиром бригады 51-й стрелковой дивизии т. Блюхера, которая стала потом знаменитой краснознаменной Перекопской дивизией. До того как ударить на Врангеля, наша дивизия била Колчака в Сибири, била, пока не разбила, а когда разбила, получила приказ ехать на Врангеля. И мы поехали через всю страну. Ехали в теплушках. На наших вагонах мелом было написано: «Даешь Врангеля!», «Долой белых гадов!» На станциях мы принимали добровольцев. По дороге наша дивизия росла. Добровольцев было столько, что в теплушках становилось тесно. Ехали мы долго, целый месяц, и бойцам нетерпелось поскорее встретиться с Врангелем. Мы встретились на левом берегу Днепра, на Каховке. Начались бои.

В августе мы погнали Врангеля и гнали его до октября.

Врангелевцы отступали, но победа давалась нам не легко. У них была сильная артиллерия, много пулеметов, хорошее обмундирование. Потому каждый шаг нам приходилось брать с боя. Бывали случаи, когда врангелевцы защищались отчаянно. Такой случай был, когда нам пришлось брать пулеметную сопку. Это была небольшая возвышенность, но она была укреплена пулеметами, и вот понадобилось два наших полка, а два полка—это тысяча человек, чтобы забрать эту сопку, да и то нам удалось забрать ее не сразу, а только на второй день, когда противник уже устал. Мы несколько раз бросались в атаку на эту сопку, но пулеметный огонь сек наших бойцов, и многие оставались на месте. Я и сам был контужен в этой атаке. Полк, который я вел в атаку, не выдержал пулеметного огня и стал отступать. В это время рядом со мной разорвался врангелевский снаряд, меня перевернуло несколько раз и я свалился без чувств посредине между своими войсками и противником.

После мне рассказывали: мой ординарец увидел, что меня вот-вот могут захватить в плен, бросился на коне несмотря на пулеметный огонь и, хотя сам уже получил пулю в руку, подхватил меня и выволок из огня. Потом за этот подвиг ординарец получил орден Красного знамени.

30 октября мы с боями подошли к самому Перекопу. Мы хотели ворваться в Крым вслед за отступающими врангелевцами, как говорят,—на плечах отходящего противника. Но это нам не удалось. В то время Врангель уже почувствовал, какую силу представляет Красная армия, и превратил Перекопский перешеек в неприступную крепость.

Перекопский перешеек—это узкая полоска земли, которая соединяет Крым с материком. Давно, лет триста тому назад, когда Крымом владели турки, они вырыли на перешейке ров и насыпали высокий вал. Этот ров и вал турки сделали для того, чтобы защищаться от русских. Глубина этого рва—восемь метров, высота вала — тоже восемь метров. Встанешь на дно рва, посмотришь вверх и видишь отвесную стену высотой в шестнадцать метров, с пятиэтажный дом. Этот турецкий вал и сам по себе был крепостью. Но белые понимали, что такой вал не остановит Красную армию. Перед рвом они поставили три полосы проволочных заграждений. В каждой полосе было по шесть рядов кольев, опутанных колючей проволокой. Первая полоса стояла метров на четыреста перед валом, вторая — на двести метров, а третья — была внизу, на внутренней стенке рва, мы ее сначала и не видели. На вершине вала, по всей его длине, на пять — десять шагов друг от друга были построены железобетонные пулеметные бойницы; из них выглядывали пулеметы. Они могли выбрасывать по пятьсот пуль в минуту. За валом, за этой сплошной линией пулеметного огня, белые поставили артиллерию. Там была артиллерия всех калибров, даже тяжелые корабельные пушки, которые сняли с черноморских броненосцев и намертво зацементировали в земле. Вот какую крепость нам нужно было взять.

В. В. Хлебников

Обойти перешеек стороной было почти невозможно. Справа, если смотреть в сторону Крыма, перешеек упирается в Перекопский залив. Весь залив белые засыпали минами и, если бы мы попробовали обойти Перекоп на кораблях и высадить десант в Крыму, мы непременно взорвались бы на воздух. Слева от Перекопа лежит гнилое Сивашское море. Это—не море, а гигантская лужа. Когда ветер дует с востока, он нагоняет в эту лужу воду из Азовского моря; когда ветра нет, вода снова уходит и остается одна топкая грязь. Значит, нужно было ударить на перекопские укрепления в лоб и во что бы то ни стало сбить эту неприступную крепость.

Хуже всего было то, что все место вокруг Перекопа было ровное как стол: там не было ни кустика, ни домика, ни оврага, ни складочки. Врангель, сидя на перекопском валу, видел расположение нашей армии на двадцать километров вглубь: наш тыл, наша армия бы-

„Взятие врангелевских танков под Каховкой".

С картины художника Владимирова.

ли у Врангеля как на ладошке. А мы сидели перед валом и ничего не видели, что делается за валом. Самолетов у нас было мало, да и те не могли летать: не было бензина. Мы всячески мастерили, как бы полететь на керосине, но из этого ничего не вышло.

Надо было кончать гражданскую войну, а для того, чтобы кончить ее, нужно было взять Перекоп, выгнать Врангеля из Крыма и сбросить его в Черное море.

Когда мы хотели ворваться в Крым вслед за отступавшим Врангелем, мы еще не знали, как укреплен Перекоп, и поэтому из нашей попытки ничего не вышло. Только одна рота 152-й бригады из всей дивизии прошла проволочные заграждения, ворвалась в ров и начала карабкаться на скаты перекопского вала, но с вала ее забросали ручными гранатами, и вся рота целиком осталась на дне перекопского рва. Ни один не вернулся обратно.

Тогда командование Южным фронтом отказалось от таких атак и Михаил Васильевич Фрунзе приказал подготовить генеральный штурм.

Началась подготовка. Подтягивались отставшие тяжелые батареи. Подвозили снаряды, ножницы, соломенные маты. По ним бойцы должны были перелезать через проволочные заграждения. Сами бойцы в это время учились, как надо брать укрепленные позиции, такие, как перекопский вал. Для этого мы у себя в тылу устроили такие же проволочные заграждения, как у белых. Нам нужно было этому учиться, потому что, когда мы дрались с Колчаком в Сибири, там таких укреплений не было и вся война шла в поле.

Чтобы прорвать проволочные заграждения, мы решили применить штурмовые волны. Такие волны немцы применяли в империалистическую войну. Штурмовые волны — это отряды храбрецов-добровольцев, вооруженные ножницами, матами и минами. Они при поддержке огня бросаются на проволочные заграждения и под огнем противника режут проволоку, набрасывают на нее маты, а там, где нужно, подтаскивают под проволоку мины и взрывают заграждения, чтобы расчистить дорогу идущим сзади войскам. Штурмовикам приходится чуть ли не зубами разрывать проволоку и руками раскачивать столбы, в то время, как противник, пристрелявшийся по заграждениям, осыпает их убийственным пулеметным огнем.

В каждом полку мы организовали по три таких штурмовых волны исключительно из добровольцев и учили их преодолевать проволочные заграждения.

В то время от первой полосы заграждений нас отделяли какие-нибудь двести метров. По ночам бойцы вырывали себе одиночные окопчики и, лежа в них, зорко следили за поведением противника.

Это было уже в ноябре. Дул холодный ветер, мороз доходил до 11—12 градусов. Бойцы буквально замерзали в своих окопах. Днем они не могли не только подняться, но даже поднять головы. Как только кто-нибудь поднимал голову, с вала начиналась стрельба и бывало даже так, что по одиночному бойцу стреляли из пушек. В лазареты стали поступать бойцы с отмороженными руками и ногами. Ведь одеты мы были во что попало. На некоторых бойцах были даже женские теплые кофты. В то время в Москве и других городах шел сбор пожертвований на фронт. Отдавали последнее. Так женские кофты и попали к нам в армию. Наша армия была в то время одета очень пестро. Обуви почти не было, сапоги мы износили в сибирских походах. Бойцы были кто в чувяках, кто в лаптях. Шинелишки тоже пообтрепались. Так и приходилось сидеть круглые сутки в одиночных окопчиках на ветру и на морозе. Днем вся жизнь замирала. Даже пищу нельзя было подвозить.

Только долгожданной ночью оживали наши бойцы. Они вставали, размахивали руками, разминали застывшие ноги. Им подвозили горячую пищу и чай. Но разводить костров нельзя было. На каждый огонек белые отвечали пулеметной стрельбой. Мы и снаряды подвозили, и патроны раздавали, и устанавливали орудия только по ночам. Работать в темноте было неудобно, но иначе нельзя было. Однако и ночью Врангель не давал нам покою. Он освещал нас прожекторами, и, когда кто-нибудь попадал под лучи, белые начинали стрельбу. Редкая ночь обходилась без убитых и раненых.

В такой тяжелой обстановке мы сидели под Перекопом пока шла подготовка штурма. Я командовал тогда 151-й бригадой 51-й дивизии. Мы все с нетерпением ждали штурма.

И вот подошло 5 ноября. Вся советская страна готовилась к третьей годовщине Октябрьской революции. Готовились и мы на фронте. Наша дивизия оставила на линии окопов только сторожевые заставы для наблюдения и охраны. Все остальные собрались на митинг в деревне Константиновке. На этом митинге я сделал доклад о задачах революции и о третьей годовщине Октября. И вот после моего доклада выступил один боец—рядовой красноармеец. В руках у него было письмо, только что полученное с родины. Вот что писала мать этого красноармейца: «Дорогой мой сыночек, как ты себя чувствуешь и как живешь на фронте? Мы здесь готовимся встретить Октябрьскую годовщину, выходим с демонстрацией на улицу, с лозунгами сбора и помощи вам на фронт. А как вы там будете проводить эту годовщину?»

Красноармеец прочел письмо и спросил собравшихся бойцов и командиров: «А мы, товарищи, как встретим нашу Октябрьскую годовщину? Неужели будем сидеть в этих окопах? Октябрьскую годовщину мы должны встретить штурмом Перекопа с винтовками наперевес. Мы должны встретить эту годовщину атакой и захватом перекопского вала, чтобы поднести его как подарок нашему правительству...»

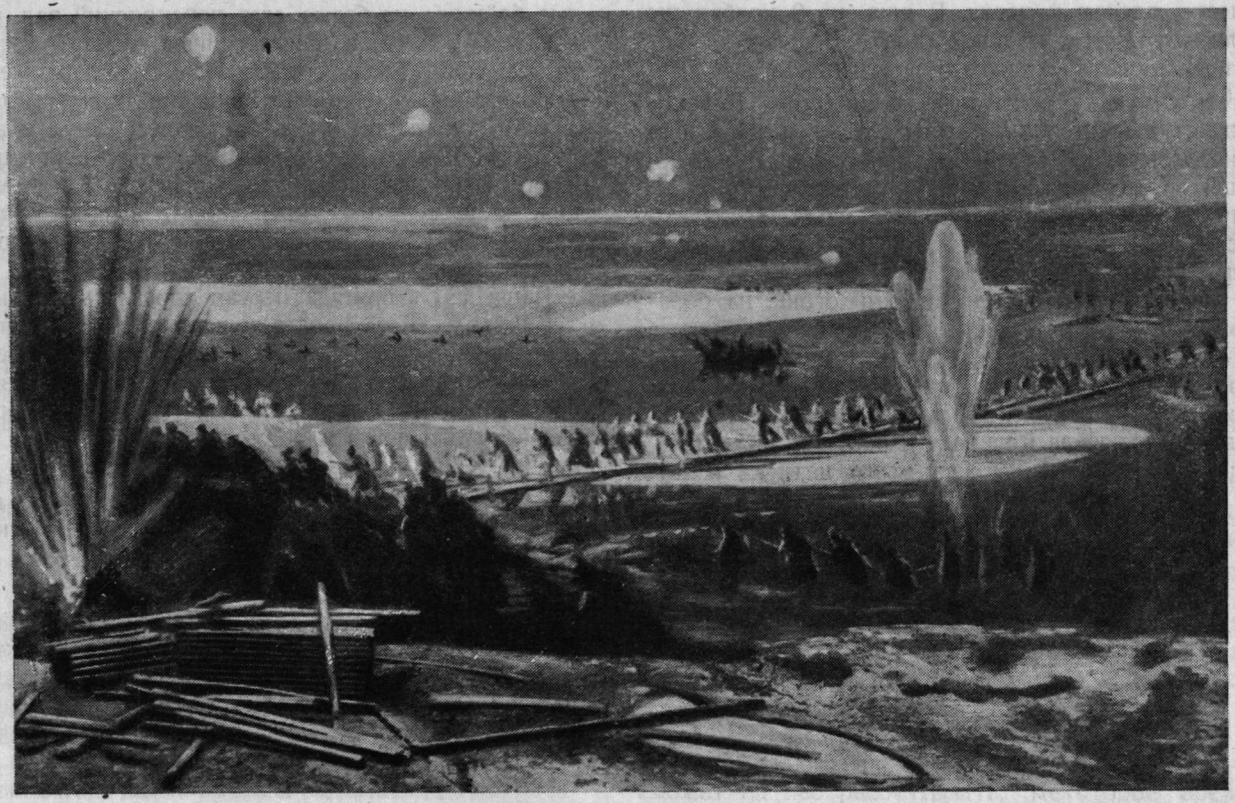
Ему не дали кончить. Его подхватили и стали качать с криками: «Довольно сидеть! Даешь Перекоп! Даешь Врангеля! Даешь Крым!»

Подошло 7 ноября. Бойцы ждут приказа, а приказа нет. Наступает вечер. Вдруг в мой штаб на взмыленной лошади прискакал ординарец, кавалерист из штаба дивизии. «Товарищ командир бригады, приказ привез!»,— весело крикнул он. Я еще не успел распечатать пакет и прочесть приказ, как все, даже в окопах, узнали о прибытии ординарца. А приказ был вот какой: «8 ноября с рассветом начать артиллерийскую подготовку по проволочным заграждениям противника и после двух-трех часов канонады перейти в атаку и во что бы то ни стало к исходу дня овладеть Перекопом».

Наступило 8 ноября. Утро. На наше несчастье сплошной туман. А в то время артиллеристы не умели стрелять, когда не видели цели. Только в десять часов утра наша артиллерия открыла дружный огонь по проволочным заграждениям. Но артиллерия у нас была слабая. У Врангеля артиллерии было вдвое—втрое больше нашей. Поэтому артиллерийская подготовка почти ничего не дала, и, когда первая штурмовая волна бросилась в атаку, проволочные заграждения были целы. Белые встретили штурмовую волну убийственным огнем, но красноармейцы по сигналу все как один бросились на заграждения с лопатами, соломенными матами и с ножницами. Некоторые бойцы из первой волны прошли первую полосу заграждений и бросились уже на вторую, но назад никто из них не вернулся. Все погибли под огнем метко пристрелянных врангелевских пулеметов. Первая штурмовая атака кончилась. Почти все полегли у первой полосы заграждений, не овладев ею.

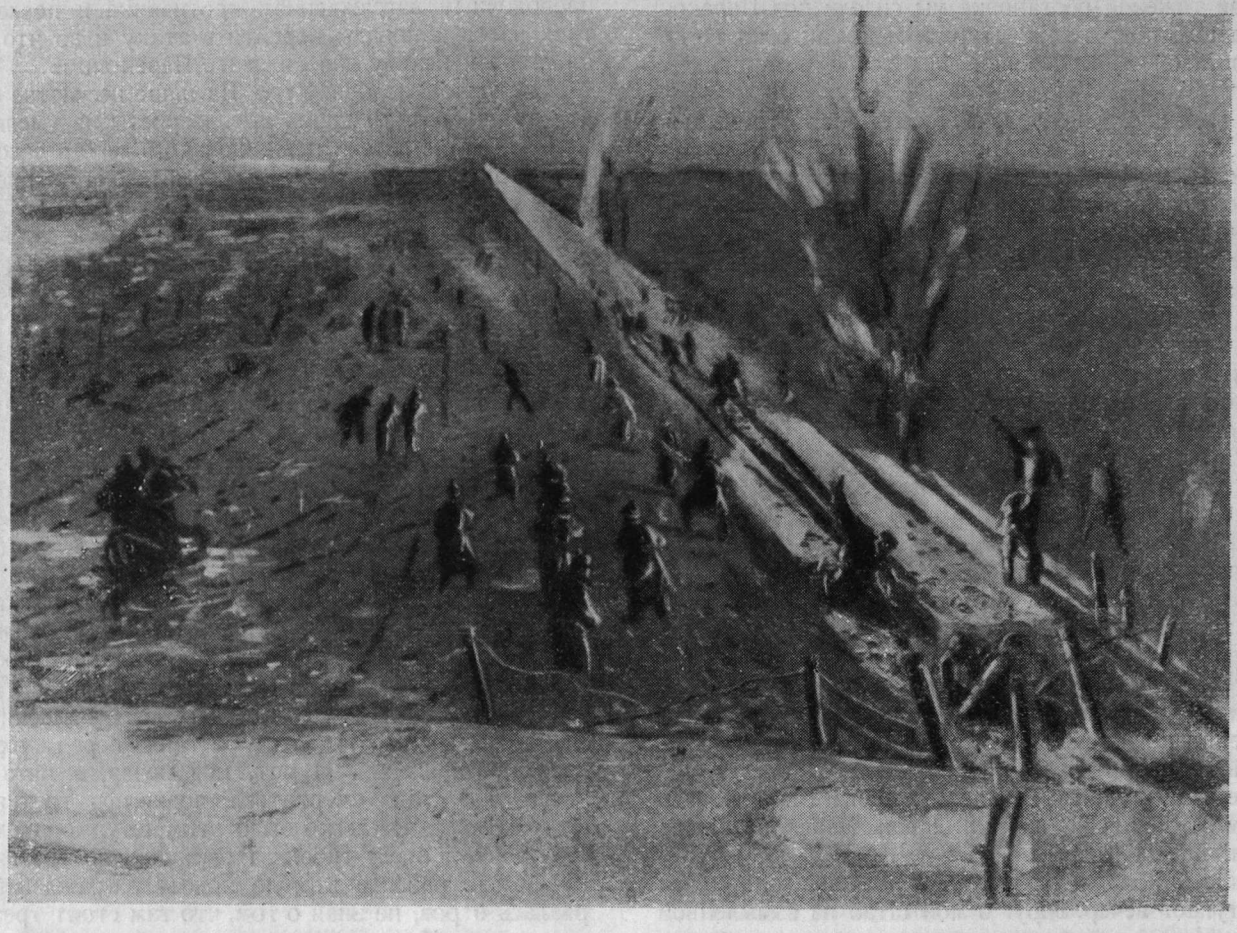
В два часа дня пошла в атаку вторая штурмовая волна. Это была сплошная мишень из живых людей. Все время бойцы были под огнем противника. С большим трудом и с большими потерями они прошли первую полосу заграждений, но продвинуться дальше не смогли. Вторая волна буквально растаяла перед второй полосой заграждений. И вот, под вечер, в пять часов когда уже стало смеркаться, поднялась третья волна штурмовиков. Не легко было этим штурмовикам взять себя в руки после гибели товарищей, но третья волна поднялась, разбила вторую полосу заграждений и ворвалась в ров, не зная о том, что там стоит третий ряд проволоки. Наткнувшись на эту третью полосу заграждений, бойцы почти все остались там убитыми и ранеными.

Тогда мы сделали четвертую, последнюю попытку. На этот раз в атаку пошли все наши силы. В это же время часть наших бойцов по пояс в воде и в грязи



„Бой у Чонгарского моста".

С картины художников Котова и Добрынина.



„Переход через Сиваш".

С картины художников Котова и Добрынина.

обошла укрепления по Сивашскому морю и ударила в тыл. При свете прожекторов сплошной массой мы шли в атаку на перекопский вал. Бойцы и командиры дрались вместе, плечом к плечу. В ночь на 9 ноября мы уже были на валу и с криками «Даешь Врангеля!» бросились преследовать уходящего противника.

Врангель считал укрепленные позиции под Перекопом неприступными и был уверен в том, что Красная армия не возьмет Перекопа, и собирался спокойно, под защитой перекопского вала перезимовать зиму в Крыму, а весной следующего года вновь наступать на Москву. И врангелевские генералы были очень удивлены, когда несмотря на убийственный смертоносный пулеметный и артиллерийский огонь, на большие потери убитыми и ранеными Красная армия в лице 51-й Перекопской дивизии, воспитанной храбрейшим командиром ее, героем, тов. Блюхером и нашей коммунистической партией, большой массой — гигантской лавиной—появилась на валу и обрушилась на противника, который не выдержал этого натиска и поспешно стал отступать к Юшунским укрепленным позициям, желая спасти свою шкуру за ними.

9 ноября к вечеру мы подошли ко второй укрепленной полосе, к Юшунским позициям. Там тоже было четыре полосы проволочных заграждений и пулеметные бойницы, но белые, сдав перекопский вал, который казался им вообще неприступным, впали в панику. В частях врангелевских войск началось разложение, деморализация. Поэтому Юшунские позиции мы взяли сналета, хотя бой продолжался весь день, и в ночь с 10 на 11 ноября мы окончательно овладели ими. В эту атаку я вел два полка своей бригады. Когда мы подошли к Юшунским укреплениям, я вышел вперед и крикнул: «Ребята, в атаку — на Юшунские позиции! Даешь Врангеля! Даешь Крым!»

Наша 151-я бригада первая ворвалась в Крым.

Как только мы прорвали перекопский вал и Юшунские позиции, товарищ Блюхер дал радиотелеграмму: «Всем, всем, всем! Бойцы 51-й славной дивизии, взяв последние укрепления Юшунских позиций, твердой ногой вступили в Крым». Эту телеграмму в тот же день прочел Ленин на с'езде в Москве.

За героический бой под Перекопом партия и советская власть дали 51-й дивизии имя Перекопской.

ВИЛЬЯМ ТЕРПИТ КРУШЕНИЕ

В № 16 «Пионера мы уже печатали отрывки из книги английского писателя Р. Кромптона «Опять этот Вильям». Вот другой отрывок из той же книги. Авторизованный перевод с английского Н. А. Олигер.

Рисунки Ф. Полищук

Вильям со вздохом отложил в сторону Робинзона Крузо. Когда-то он мечтал быть королем пиратов или разбойничьим атаманом, а теперь ему захотелось потерпеть крушение и попасть на необитаемый остров. Он посмотрел в сад, на поля за садами и заворчал:

— Ну что это за жизнь в такой стране, где столько народу и где все можно купить в лавочке за углом...

Тем не менее он чувствовал, что где-то поблизости должен быть необитаемый остров или по крайней мере такое местечко, которое при некоторой фантазии можно было бы превратить в необитаемый остров. Он решил отправиться в путешествие. Вильям набил карманы печеньем и обрывками бичевки: ведь бичевка всегда и везде полезна!

Он вошел в гостиную, где сидели его мать и старшая сестра, с видом мореплавателя, который отправляется в дальнее путешествие.

— Прощайте! — сказал он басом. — Я уже назад не вернусь.

— А почему ты ноги не вытираешь, когда входишь в дом? — спросила мать.

— Смотри, чай не прогуляй, — заметила Эллен.

Вильям почувствовал, что у его скучных родственников решительно нет ничего такого, что должно быть у настоящей семьи мореплавателя.

— Ладно, — сказал он. — Пеняйте на себя, если... если вас постигнет горе... Тогда уже будет поздно...

С такими загадочными словами он вышел из комнаты.

Обыкновенный наблюдатель, встретив Вильяма, увидел бы, что по улице попросту шагает мальчуган, нахмурив брови и засунув руки в карманы. Но это не так: это предприимчивый мореплаватель летел на всех парусах по бурному морю.

— Алло, Вильям!

Вильям всегда чувствовал слабость к маленькой Джанне.

— Я еду открывать новые земли, — сказал он.

— О, Вильям, — сказала Джанна умоляющим голосом, — нельзя ли мне поехать с тобой?

Вильям сдвинул брови и задумался:

— Ну ладно. Влезай на корабль!

Джанна побежала рядом с ним. У нее было прекрасное качество: она очень мало задавала вопросов.

— Мы попадем на необитаемый остров и, вероятно, очень скоро, — сказал Вильям. — Только бы нам пробраться через эти ледяные горы. Ну и ветрище! Так и рвет паруса, и земли не видать! А китов-то сколько!

— Да, Вильям, — подтвердила Джанна с готовностью.

— Ну, ты будешь юнгой, — решил Вильям, — а я буду капитаном. Землю видишь, юнга?

Джанна обвела внимательным взором дорогу, по которой они шли, живую изгородь по сторонам, головы коров, выглядывавшие из-за изгороди, священника, стоявшего вдали.

— Нет, Виль... то есть, капитан! — ответила она.

Вильям облегченно вздохнул: он побаивался, что не сможет на нее рассчитывать. Некоторое время они плыли молча.

— А, чорт! Буря выдрала мачту!— закричал Вильям. — Она все снесла с палубы. Не хватила она тебя по голове, юнга?

— Да, Виль... то есть, капитан, — сказала Джанна.

Она отлично понимала сущность дела, была довольна скромной ролью юнги и не лезла в капитаны.

Тем временем путешественники подошли к реке.

— Волны так и хлещут, — сказал Вильям, смотря на мирно текущую реку. — Корабль не выдержит этой страшной стихии, если мы скоро не достигнем земли. Я насквозь промок, и кожанка не помогает...

— Да, Виль... то есть, капитан, — сказала Джанна, подняв с восхищением на Вильяма свои голубые глаза.

Тропинка поднималась в гору. Эта часть берега была частной собственностью и была обнесена забором; за забором тянулся сад.

— Мне кажется, — сказал Вильям, — мне кажется, что я вижу остров и как раз в такую минуту, когда наш корабль того и гляди разобьется вдребезги. Так и есть! Разбился! Вдребезги! Об эту страшную скалу. Мы попали в ледяную воду! Юнга, хватайся за обломок корабля, плывем туда, к острову! Не обращай внимания ни на дождь, ни на ветер, пусть он дует нам прямо в лицо...

С мрачной решимостью капитан стал продираться через живую изгородь сада.

— За мной, юнга! — командовал он, отгибая кусты в сторону. — Вот и необитаемый остров. Наконец-то! Теперь мы можем лечь на песок и поспать, а потом соберем вещи, которые приливом прибьет к острову с потонувшего корабля.

Часть сада, в котором они расположились, была далеко от дома. На берегу стоял павильон. Возле него на веревке сохла скатерть. Дети уселись на лавочке около берега.

— Как хорошо отдохнуть,— сказал Вильям,— после всех злоключений, после жестокой борьбы с этим ливнем и бурей. Юнга, ложись, отдыхай, а я пойду вылавливать вещи, прибитые к берегу.

И пополз на животе к дому. Дверь дома была раскрыта настежь, в доме — ни души. Вильям обследовал черный ход. Он вел в богато оборудованную кухню. В кухне сидела кошка и умывала мордочку. Возле дома, на скамейке, лежали старая, помятая кастрюля, две чайных чашки без ручек, коробка спичек и еще какая-то рухлядь. Кто-то, должно быть, все это нес на помойку, но не донес и сунул до времени сюда, на скамейку. А коробка спичек попала сюда, конечно, случайно.

Мрачно посмотрев на кошку, Вильям на цыпочках подкрался ко всей этой рухляди, схватил спички, кастрюлю, две чашки и побежал на берег, где его юнга сидел на траве, бросая от скуки камешки в воду.

— Посмотри-ка, что прибило к берегу с корабля, — сказал он с гордостью. — Ну, теперь мы разведем огонь и, надеюсь, скоро обзаведемся и дикарем, и туземцем, и дикими животными.

— О, только не очень уж дикими, Вильям, — сказал юнга.

— Ну ладно, не очень дикими, — ответил капитан.— Впрочем, это не имеет значения: ведь я же с тобой! А я могу убить всякого. Ну а теперь, после ночи, проведенной на бурном океане, надо нам позавтракать.

Набрали сучьев, развели огонь, налили в кастрюлю воды и поставили на огонь. Когда вода вскипела, Вильям разлил ее в чашки, накрошил туда печенья. Вода пахла дымом, бисквиты запачкались в карманах Вильяма, но мореплавателям, потерпевшим крушение, завтрак показался лучше всяких лакомств. Они начисто осушили свои чашки.

— Ну как? Вкусно, юнга? Мне кажется, тебе бы следовало сказать: «Здорово, сэр!»

— Здорово, сэр!

— Ну ладно. Теперь я буду строить дом из бревен, а ты пойди и собери на берегу все, что прибито приливом.

— Ой, Вильям, то есть капитан!

— Да ты не бойся, там только кошка.

Джанна на цыпочках направилась к дому. А Вильям повернулся спиной к павильону, со свирепым видом стал рубить воображаемые деревья, распиливать их на доски и строить дом, а затем повернулся снова к павильону и, осмотрев его критическим взором, сказал:

— Ну вот и готово, — как будто он и в самом деле сам только что построил этот павильон. Открыл дверь и вошел в павильон.

Со скамейки поднялся оборванный, растрепанный и заспанный бродяга. На полу лежал грязный мешок.

— Вот вас-то я и искал! — сказал Вильям с восхищением. — Мне как раз нужен туземец, дикарь!

— Да неужели? — ответил бродяга. — Очень рад, что могу вам услужить. А вы кто такой, если можно вас об этом спросить?

— Я капитан. Мы с юнгой только что потерпели крушение и попали на необитаемый остров. Вот я построил эту хижину, а юнга пошел собирать на берегу вещи с нашего корабля. Ничего, если мы вас будем звать Пятницей?

— Пожалуйста, пожалуйста, молодой человек. Зовут-то меня Гербертом Гаммондом, но вы можете звать меня и пятницей, и субботой, и воскресеньем, как вам угодно. Но странно видеть капитана, потерпевшего крушение, в таком платье, как ваше. Неужели ваше платье во время кораблекрушения не разорвалось на тысячу кусков?

— Да, да!—подхватил Вильям.—Разорвалось в клочки! Вдребезги!

— Так вы должны были бы быть одеты в какую-нибудь рвань, ну в парус или во что-либо подобное...

Он взглянул на изодранную скатерть, висевшую на веревке и развевавшуюся по ветру. — Вот это я понимаю! Это подходящее для вас одеяние!

Глаза Вильяма загорелись от восхищения:

— Да, да, верно!

— Вот, если бы я потерпел крушение, — продолжал бродяга, стягивая скатерть с веревки, — я бы зашел в павильон, стащил бы с себя платье и завернулся бы в этот парус... Вот тогда-то уж я чувствовал бы себя настоящим мореплавателем, потерпевшим крушение.

Он швырнул скатерть в павильон, а Вильям в страшном волнении последовал за скатертью. Пятница улегся на берегу, закурил трубку и стал любоваться ландшафтом.

Вскоре явился Вильям, гордо неся на себе скатерть на манер римской тоги.

— Вот это — другое дело! Если бы я был на вашем месте, я прогулялся бы по берегу и показался бы своему компаньону по кораблекрушению, тому самому, который пошел ловить вещи, прибитые приливом к берегу. А я посижу здесь и постерегу ваше платье, чтобы кто его не украл.

Вильям медленным и торжественным шагом направился к дому, а Пятница вскочил, подал кому-то таинственный знак и снова вошел в павильончик.

Джанна сидела на ступеньке черного хода и держала на коленях кошку.

— Вильям, то есть капитан,—сказала она,—смотри, какая чудная киска.

Потом:

— О, боже мой, Вильям!

В тоне ее голоса выражались и ужас и восхищение.

Вильям величественно поднялся по ступенькам лестницы. Один конец скатерти тащился за ним по земле.

— Это парус, — сказал он гордо. — Мое платье разорвали волны. Он мне ужасно идет, не правда ли?

Джанна захлопала в ладоши.

— Кроме того я нашел туземца-дикаря, — продолжал Вильям, — и он не возражает, чтобы я звал его Пятницей...

— Как хорошо! А киска будет нашим туземным диким животным. О, Вильям, вот у нас и все, все теперь есть!

Счастливые, они отправились на берег. Но тут Вильяма поразил первый удар, за ним последовали другие: во-первых, исчез туземец Пятница; обследование павильона обнаружило, что платье Вильяма тоже исчезло. Лицо Вильяма вытянулось.

— Он украл его, — сказал он заикаясь.

Джанна широко раскрыла глаза:

— Вильям, как же ты домой-то пойдешь?

— Вот мерзкий старичина! — пробормотал Вильям в отчаянии.

В это время из дома послышался резкий, сердитый голос. Капитан и юнга скрылись в павильон.

— Да как же ты не заперла черный ход?! — кричала какая-то женщина в доме.

Потом дверь дома с треском захлопнулась. Путешественники почувствовали, что их приключениям настал конец: необитаемый остров потерял всякую прелесть.

Наступил уже вечер, время чая. Солнце склонялось к горизонту. При нормальных обстоятельствах они бы спокойно перелезли через забор и разошлись по домам. Но обстоятельства-то были уж очень дикие.

— Пойдем домой, — прошептала Джанна, и в ее голосе послышались слезы.

Вильям посмотрел на нее с отчаянием.

— Да не могу же я пойти домой в таком виде, — сказал он голосом, хриплым от волнения. — Не могу же я пройти по улице в рваной скатерти! Ведь меня засмеют.

Он уселся на пол, безнадежно глядя перед собой.

— Вильям, так что же нам делать?

— Я просижу тут до полночи... пока все не уснут. А ты уж лучше иди домой.

— О, нет, Вильям, я не могу этого сделать. Я лучше схожу домой и принесу тебе... Я принесу тебе папочкин пиджак и брюки.

Вильям, глубоко растроганный, посмотрел на нее:

— Спасибо, спасибо. Только он, должно быть, выше меня ростом... Но это ничего, они подойдут...

Джанна пролезла в дыру изгороди и исчезла. Тогда он тяжко вздохнул, крепче завернулся в свою тогу, сел на скамеечку в павильоне и стал ждать. Но недолго его оставили в покое. Голос, который уже раз нарушил тишину необитаемого острова, раздался снова и на этот раз совсем вблизи:

— И эта несносная девушка ушла в лавку и бросила дом без призора... даже дверь не заперла! Прихожу домой, смотрю: нет серебра. Все серебро из столовой исчезло... О, да, в полицию-то я уже звонила по телефону... Но... боже мой, боже мой! Негодяй стащил даже скатерть, которую мы повесили в саду!

— А вы... Вы заглянули в павильон? Может быть, он там спрятался?

Вильяму стало и холодно и жарко, и он ретировался в угол, за дверь.

— Что вы, что вы? Да ни за что я этого не сделаю! А вдруг он там? Да из револьвера как бабахнет! Нет, ни за что на свете!.. Нет, лучше всего нам уйти отсюда.

Голоса затихли в отдалении. У Вильяма—как гора с плеч. Он ерошил волосы, стараясь успокоиться.

Отворилась дверь, и вошла Джанна с большим узлом.

— Скорей, Вильям,— прошептала она.— Одевайся скорее и бежим домой! Меня дома никто не видал. Боюсь, что платье тебе будет велико, но мы его подвернем.

Ее опасения были вполне основательны. Мистер Джемс Кляйв ростом был около двух метров: его пиджак на Вильяме волочился по земле, а брюки, хотя их и подвернули настолько, насколько было возможно, очень мешали Вильяму передвигать ноги.

— Ничего, Вильям, сойдет,— прошептала Джанна.

Вильям в костюме мистера Кляйва имел бы большой успех на эстраде Мюзик-холла. Самые сдержанные люди хохотали бы до слез, но Джанна была так вежлива, что даже не улыбнулась. Лицо Вильяма было сурово и решительно. Он полагал, что конец его злоключений уже недалек; он свернул скатерть узлом и захватил ее подмышку.

Вильяму показалось, что над ним смеется весь свет!

— А то они еще выследят нас, если мы оставим парус здесь, — прошептал он Джанне.

И вот они тронулись в путь. Джанна время от времени с беспокойством посматривала на своего курьезного спутника. Путь их лежал мимо коттеджа. Из коттеджа вышел мужчина, глянул на Вильяма и остолбенел,

— Мне это совершенно безразлично. Разрешите вас проводить. Покойной ночи, Вильям!

разинув рот. Потом прислонился к стене, сунул руки в карманы и разразился неудержимым хохотом. Вильям бросил на него уничтожающий взгляд и продолжал свой путь, сохраняя достоинство постольку, поскольку позволяли ему брюки.

— Мать, мать!—закричал мужчина, вытирая слезы.

Из дома вышла женщина, взглянула на Вильяма и просто зашаталась от хохота. За ней выбежали двое ребят. Вильяму показалось, что над ним смеется весь свет. Джанна приложила свою ручку к той части его длинного рукава, где по ее предположению должна была находиться рука Вильяма, и сочувственно пожала пиджак. Но даже сердце Джанны похолодело, когда она представила себе, что ему предстоит путешествовать через все предместье. Следующий дом, мимо которого надо было идти, был как раз дом ее родителей.

Вильям продолжал свой путь в одиночестве. Он шел медленно. Шел он так по двум причинам: во-первых, мысль о предстоящем путешествии через все предместье наполняла его сердце ужасом; во-вторых, его брюки начали разворачиваться. А чтобы поправить их, он никак не мог высвободить руки из длиннейших рукавов пиджака. К счастью, наступали сумерки. Вдруг он увидел высокую фигуру, идущую ему навстречу. Он прижался к живой изгороди: авось, не заметит. Но его заметили. Фигура остановилась перед ним и вставила монокль в глаз. Вильям с ужасом узнал отца Джанны.

— Извините, молодой человек, — сказал мистер Кляйв,— но или вы шьете свои костюмы из того же материала и у того же портного, что и я, или... или же,— он опустил руку и крепко ухватил Вильяма за шиворот, — или же вы надели мое платье. В таком случае я вас попрошу пойти со мной домой и снять его.

И он стал любезнейшим образом подталкивать Вильяма по направлению к своему дому.

— Но дайте же мне об'яснить вам!— воскликнул Вильям.

— Об'яснения,— возразил мистер Кляйв,— совершенно излишни. Я ведь попросту прошу вас, как джентльмен джентльмена, вернуть мне мое платье, которое вы присвоили по недоразумению.

Даже Вильям не вынес ударов судьбы, какие постигли его в доме мистера Кляйва.

— Но мне же нечего надеть,— сказал он,— совершенно нечего! Неужели вы допустите, чтобы я пошел домой голый.

— А что же на вас было до того, как вы надели мой костюм?

— На мне была скатерть, но...

— Тогда я полагаю, что вы опять наденете скатерть.

— Но неужели же, неужели же вы допустите, чтобы я шел по улице в скатерти?

— Я совершенно ничего не имею против того, чтобы вы прошли по улице в столовой салфетке, — ответил бессердечно мистер Кляйв.— Я заплатил за костюм двенадцать гиней и совершенно не могу допустить, чтобы вы продолжали его портить и дальше. Я, конечно, понятия не имею, что вы сегодня натворили, но могу догадаться, кто мог вам доставить этот костюм, и мне придется сегодня вечером сказать несколько серьезных слов мисс Джанне.

Вильям вытаращил на него глаза.

— Джанна тут не при чем, я их сам достал,— заявил он решительно. Он снял костюм, развернул скатерть, обмотал ее вокруг себя, мрачно хмуря брови.

— Ну ладно,— сказал он медленно и горестно.— Если вам все равно, что я пойду по улице в этом...

— Мне все равно,— ответил мистер Кляйв самым приветливым тоном.— Мне это совершенно безразлично. Разрешите вас проводить. Покойной ночи, Вильям!

Он запер выходную дверь и подошел к окну, наблюдая за белой фигуркой, которая исчезла за поворотом.

— Стоило бы пойти посмотреть, как этот молодой человек пройдет по всему предместью, — сказал он вслух.

И Вильям продолжал свое путешествие. Никогда еще его дом не казался ему таким близким и в то же время таким недосягаемым. Тут он вспомнил о тропинке, ведущей домой через поля и кладбище. Этот путь, правда, был раза в три длиннее, но зато можно будет избегнуть прогулки через предместье. Уже начинало темнеть. Он прошел по полю, перелез через забор на кладбище и пошел по дорожке. Какая-то женщина, стоявшая спиной к нему и читавшая надписи на могильных камнях, услышав шаги, обернулась, посмотрела на него, потом закричала так дико, что у Вильяма волосы встали дыбом, и понеслась во всю прыть по направлению к деревне. Потрясенный, Вильям спрятался за могильную насыпь, чтобы придти в себя.

Прошло еще несколько человек, но он не решался вылезти из своего темного и сырого убежища. Наконец, он услышал много веселых голосов, как будто человек семь или восемь молодежи шли через кладбище. К нему вернулось присутствие духа. Он им об'яснит свое печальное положение. Восемь или семь человек его ведь не испугаются! Он поднялся из-за холмика—

— Ой, ой, ой! — завопила Эллен и бросилась бежать.

и вот восемь молодых девушек, испуская дикие крики, кинулись от него прочь... Все, кроме одной. Эта одна споткнулась о камень и упала на дорожку, закрыв от ужаса глаза. С невыразимой радостью Вильям узнал в этой девушке свою старшую сестру. Его злоключениям наступил конец! Она-то принесет ему его платье.

— Эллен...— начал он.

— Ой, ой, ой!—завопила Эллен и, крича еще пронзительней, бросилась бежать.

— Не понимаю, куда девался Вильям,— сказала мистрис Броун мужу.— Он не обедал и чаю не пил.

— Ну стоит ли зря беспокоиться? — ответил супруг.—Когда я шел с работы по деревне, я слышал, будто бы его видели в деревне около часу назад в костюме неимоверной величины.

Мистрис Броун опустилась на стул:

— Неимоверной величины? Но ведь он же ушел в своем платье?

— Вот уже этого не сумею тебе об'яснить, но такой разговор слышал.

— Но если это было час назад, так почему же его до сих пор нет?

— Не знаю,— отозвался муж равнодушно и раскрыл газету.

В этот же момент раздался оглушительный визг. В комнату ворвалась Эллен и нырнула прямо под стол.

— Оно идет за мной!..— кричала она.— Оно за дверью!.. О, боже мой! Не пускайте, не пускайте его!.. Я не хочу умирать!..

Мистер Броун отложил со вздохом газету в сторону.

— Ну что такое? — спросил он усталым голосом.

— Ой, ой, ой!..—продолжала стонать Эллен.

В дверях появилась фигурка... растрепанная, растерзанная, с лицом, выражавшим одновременно и злость, и негодование, и огорчение. Фигурка с каким-то свирепым достоинством куталась в разорванную скатерть.

— Да это Вильям,— сказала мистрис Броун.

— Но ведь у меня их украли!— спорил Вильям вне себя.

— Ну а я вычту их стоимость из твоих карманных денег,— сказал мистер Броун самым любезным тоном.

— Ну и ладно... Только разве это благородно заставлять меня расплачиваться за вещи, которые у меня украли?

— Я уже сказал, что если я замечу, что у тебя начинают развиваться такие добродетели, как чистота, акуратность, послушание, молчаливость и... и... и так далее, так я, может быть, и сам приплачу небольшую сумму и куплю тебе, ну, скажем, жилетку, или воротничок, или галстук. А теперь дискуссию нашу считаю законченной.

— Пора спать,— сказала мистрис Броун.— Иди, иди скорей, я не в состоянии больше смотреть на тебя в этой ужасной скатерти!

Кинув на родителей взгляд, полный упрека и горечи, Вильям завернул покрепче концы скатерти вокруг плеч и уже намеревался удалиться, но тут раздался телефонный звонок.

— Вильям, тебя к телефону.

Он подошел к аппарату с мрачным лицом.

— Вильям, папочка разрешил мне сказать тебе покойной ночи. Мне так было жалко, что я не смогла проводить тебя домой. Вильям, я совсем, совсем не нахожу, что у тебя был смешной вид в папочкином пиджаке и брюках. И скатерть к тебе очень, очень шла. И ты так себя хорошо держал... и так было весело... на необитаемом острове. Мы скоро опять поиграем в такую игру... Ну покойной ночи, Вильям!

— Покойной ночи...

Вильям повесил трубку и пошел наверх, в спальню. Он гордо нес свою вз'ерошенную голову. На его веснущатом лице появилось что-то вроде улыбки. Он кутался в рваную скатерть почти с веселым видом.

Он обрел самого себя.

„МАКС"

Слон „Макс"—самое большое и самое добродушное животное в зверинце Дурова. Но однажды „Макс" ужасно разозлился, все добродушие слетело. А было это так:

„Максу" на завтрак полагается несколько буханок хлеба. Этот хлеб кладут перед ним в ряд на чистой скамейке, и „Макс" спокойно закусывает. Однажды один из служащих, когда „Макс" завтракал, стащил у него буханку хлеба. „Макс" как будто не заметил. Служащий взял хлеб и в другой и в третий раз. „Макс" опять вида не показывает. Но лишь только вор появился на четвертый день и взял хлеб, „Макс" сшиб его хоботом и занес над им свою ногу, огромную, толстую, как бревно.

Испуганный вор заорал:— Не буду, „Макс", не буду больше!

На счастье этот дикий крик услыхал Дуров. Он сейчас же прибежал и, увидев такую страшную картину, закричал на слона:

— Ком, „Макс", алле, ком, „Макс"!

Но слон, не обращая внимания на своего учителя, подносил свою страшную ногу все ближе к лежащему на полу человеку. Минута была страшная, даже у Дурова сердце дрогнуло. А воришка так перепугался, что даже кричать перестал.

Лишь после долгих уговоров „Макс", наконец, отвел ногу и отошел, добродушно помахивая хоботом, как будто говоря:

„Уж так и быть, прощаю... Только в будущем смотри у меня!"

Вот он, этот добродушный слон, со своим учителем.

ПОЧТА

Доктора Звенового

Письмо Юры Ритергольма

Ленинград, Кирпичный пер., д. 2, кв. 29.

Бумажные планеры

Когда я был в военной санатории в Сестрорецке, там ребята занимались вырезыванием бумажных планеров. Планеры летали у нас через всю комнату. Мы их делали так. Материалом служили лист бумаги и спичка. Бумагу мы сгибали пополам и вырезывали из согнутой бумаги планер, как нам показали. После этого мы разгибали крылья, а на носу прикрепляли к нему спичку. Спичка должна быть такого веса, чтобы не перетянуть чересчур планер, а дать ему в полете только маленький наклон.

Изготовленный таким образом планер поднимается над головой и легким толчком посылается вперед.

Мы очень увлекались этим и соревновались между собой на дальность полета. По приезде домой я решил построить такой планер, который бы дал еще лучшие результаты. Я испробовал разные модели. Я запускал его в саду, и он летит на расстояние 8—9 метров. Давайте продолжать вместе начатый мною опыт, а потом вы тоже поделитесь на страницах журнала удачными результатами вашей работы.

Письмо Бори Воробьева

Сочи, школа № 2 им. Ленина.

Экскурсия в Турецкий овраг

В летние каникулы я очень заинтересовался собиранием разных камней. Я и Боря Милютин запаслись веревками, ломиками и скобками и пошли выковыривать камни.

К морю спускается обрывистый склон. Он находится на высоте 16 метров над уровнем моря. Мы отправились к этому склону.

Когда-то на месте Сочи было море, и на склоне образовались слои песчаника, ракушек с кристаллами внутри, разные морские камни.

Эти наши экскурсии были очень интересные. Мы собрали очень красивые камни и очень хорошо познакомились с окрестностями Сочи.

Один раз мы пошли на экскурсию в Турецкий овраг. Этот овраг выходит к морю. И когда русские суда еще в русско-турецкую войну подходили к берегам, они обстреливали турецкую батарею, стоявшую на горе. А турки по подземному ходу к оврагу переправляли свои силы и оттуда стреляли в русских. В овраге мы нашли старые пули, все из'еденные ржавчиной. А гора, на которой стояли турецкие батареи, теперь так и называется «Батарейка».

Все свои камни мы с товарищем принесли в школу и теперь вместе с преподавателем сделаем одну большую хорошую коллекцию камней.

Письмо Миши Шехлевича

Ст. Перово, Моск.-Каз. ж. д., поселок Чухлинка.

Моя черепаха

У меня уже второй год живет маленькая черепаха. Сначала она нас боялась: все прятала головку и лапки под панцырь и почти целый месяц ничего не ела. Потом стала щипать мелкую травку. Теперь она очень к нам привыкла, любит, когда ее гладят по головке. При виде чужих она всегда головку и лапки втягивает в панцырь. Теперь я кормлю ее даже из рук. Ест она всякую траву, но больше любит листья одуванчиков, подорожника, цветы клевера. Пробовали давать ей малину и клубнику, но она не хочет. Пьет только воду и очень мало. У нас большой сад, и там ей отгорожен уголок с ее любимыми травами и цветами. Там же ставим ей воду. На ночь берем ее в комнату.

В плохую погоду черепашка вялая, отказывается от пищи и почти весь день спит. В прошлом году, в начале октября, она

Мишина черепаха зимой впала в спячку. А если бы Миша поместил ее в более теплое помещение, очень возможно, что она вела бы такой же образ жизни, как и летом. Вот, пусть этой зимой Миша попробует поместить ее в теплой комнате и о своих наблюдениях напишет нам. Черепаха может прожить у Миши очень долго. В неволе они живут до 40 лет, а на свободе — до 300. От преследования врагов их спасает панцырь. Он такой крепкий, что может выдержать тяжесть нагруженной телеги.

впала в зимнюю спячку и была в ней полгода. Мы ее положили в ящик с песком и сеном. Во время спячки она несколько раз переползала с места на место, но не открывала глаз.

В марте черепашка проснулась. Травы еще не было, я кормил ее вареным картофелем, тертой сырой морковью и белым хлебом, намоченным в молоке или сладкой воде. Весной у нее на голове и лапках сменилась кожица. Она была очень смешная, когда кругом из панцыря висели лохмотья, а теперь кожа гладкая зеленовато-серого оттенка. Мне бы очень хотелось узнать, нет ли еще у кого из ребят черепах и вообще как они живут.

Письмо Саши Бахмана

Ленинград, Васильевский остров, 10-я линия, д. 37, 79-й детдом.

Живой уголок

У нас в школе не было живого уголка. Зимой во время занятий, когда мы проходили по зоологии пресмыкающихся, змеиновидных и птиц, мы это все учили в полупустую, т. е. только по книге, а наглядно у нас ничего не было, лягушку пришлось даже купить. Детдомовские ребята решили устроить живой уголок. На третьем этаже, за дождевой трубой, мы однажды увидели голубку, сидящую на маленьких яичках. Мы решили дать возможность самке вывести птенцов, а потом заманить ее этими же птенцами. Мы так и сделали. Летом, когда мы выехали на дачу, у нас организовался юнатский кружок. Юнаты собирали коллекцию разных растений и насекомых. Однажды старшие ребята пошли за ягодами. Мы жили на Сиверской, около пионергородка. На обратном пути передние ряды вдруг (а там шли девочки) начали кричать. Мы побежали вперед, видим на хворосте и мху лежит змея. Это был уж, его успели убить до нашего прибытия.

К концу лета в наш уголок ребята принесли змею, черепаху, ящерицу, рыбок, разных насекомых, трех голубей и двух птенцов. Теперь с самого начала года ребята могут вскрывать их, чтобы лучше понять, а не зазубривать как в старой школе.

Воинственное племя „краснокожих“

Письмо Киры Судаковой

Москва, Лобковский пер., д. 2, кв. 24.

Это лето я провела в деревне около Савелова, на берегу Волги. Весь день играли в лесу. Самой интересной игрой была игра в «индейцев». Мы разделились на две партии. Наше племя было «краснокожее». Мы собрали куриные перья, воткнули их в волосы. Руки, грудь, спину и ноги мы разрисовывали акварельными красками. Получилось очень похоже на татуировку.

На опушке леса мы устроили большой шалаш из высокой травы. Шалаш получился очень хороший. Тогда мы взялись все за руки и начали скакать вокруг шалаша, прерывая этот танец страшными криками «Карабас!» Это означало, что мы очень воинственное племя.

Другое племя («чернокожее») тоже построило шалаш, но не из травы, а из старой простыни. У них шалаш получился лучше нашего. Тогда «чернокожие», возгордившись этим, не пустили нас на свое торжество.

«У вас есть свой шалаш, и вы можете плясать и петь вокруг своего шалаша», — сказал их предводитель.

Мы очень обиделись и срочно начали улучшать свой шалаш. Потом мы решили позвать «чернокожих» к себе в гости на пиршество. Я, Вадик, Таня и Вася пошли на охоту, чтобы приготовить мясо к празднику. У каждого из нас был с собой лук со стрелами и копье. Отойдя от шалаша, мы разошлись в разные стороны. Вдруг я увидела большой лес, в котором паслось стадо «бизонов» (а «бизоны» эти были сделаны из черного хлеба и лежали на высоком пне). Осторожно, притаившись за маленькой елочкой, я стала прицеливаться в одного из «бизонов». Вот он лег. Самый удобный момент. Прицеливаясь в последний раз, я метко кидаю копье и попадаю сразу в двух «бизонов». Какая удачная охота!

Торжество прошло очень весело, тем более, что мы достали из погребов молоко, вишни и яблоки, унесенные из дому.

Игра в «индейцев», про которую написала Кира, — очень интересная и веселая игра. Только не надо, чтобы ребята по-настоящему враждовали между собой. Это будет уже не веселая игра, а скучная ссора.

И еще одно замечание: играть в «индейцев» надо днем, а ночью пусть все «индейцы» и часовые спят дома.

По дороге нам попался котенок. Мы притащили его в лес, и он стал нашим первым домашним животным.

На следующий день наше племя пришло позднее в лагерь, и мы увидели, что котенка не было. Это была первая проделка «врагов». В шалаше царил страшный беспорядок.

Мы сейчас же активно принялись за восстановление испорченного шалаша, и скоро все было готово.

С этого дня, чтобы предотвратить нападение «чернокожих», мы решили оставлять у шалаша часовых. Кинули жребий, кому дежурить, и жребий пал на меня. Мне было очень страшно стоять одной у шалаша поздно вечером в темноте. Мне казалось, что движутся какие-то тени, а это ветер шевелил листьями деревьев. Я постояла, постояла и, не выдержав, удрала домой.

На другой день я не хотела уже играть: мне казалось, что ребята начнут надо мной смеяться, но вышло наоборот: ребята догадались, почему я не иду, и сами зашли за мной. Высмеивать меня не стали, а дали хороший совет: если страшно, то нужно петь как можно громче веселую песню.

Письмо Володи Едовина

Северный край, Ровдинский р., село Пикинское.

Володино письмо мы показали ученому секретарю Исторического музея тов. Дмитриеву Он много раз был на Севере и сам слышал рассказы, похожие на тот, о котором написал Володя.

Это, конечно, не быль, а легенда. Такие же легенды рассказывают не только на Севере, но и на Урале. Народы, живущие на Севере, очень страдали от притеснения царского правительства, и вот в народе стали складываться такие легенды.

Племя чудь действительно жило на Севере. Сбор таких легенд очень полезен, потому что часто по тем рассказам, которые слышат археологи, они находят какие-нибудь предметы, которые помогают им лучше узнавать историю народов, населяющих СССР.

Сундуки на дне озера

Я услышал рассказ о прошлом нашего сельсовета. Только я не знаю, верно ли это.

В древние времена в окрестностях нашего сельсовета жило чудское племя. Еще бабушка моей бабушки не раз видала охотников-чудов во время сенокоса. Племя было богатое, так как они знали, где залегали месторождения золота. Все чуды были язычники. Когда их силой стали обращать в христианство, они не стерпели, сбросили все имущество и идолов в озеро. Племя заперлось в одном из строений и сожглось. Вместе с ними сгорело все поселение.

Один старик говорил моему отцу:

«Теперь озеро-то уже все затянулось, а вот маленьким-то я ходил удить туда: рыбы там много было. Вода в озере светлая, и видно, как краснеют на дне сундуки». Но так и умер старик, не раскрыв никому своей тайны.

Письмо Вани Докучаева

Москва, Подсосенский пер., д. 21, кв. 93.

В некоторых отрядах висят стенные газеты, такие грязные и скучные, что на них и смотреть-то не хочется, а не то что читать. А происходит это потому, что многие редколлегии делают так же, как редактор, о котором пишет Ваня Докучаев.

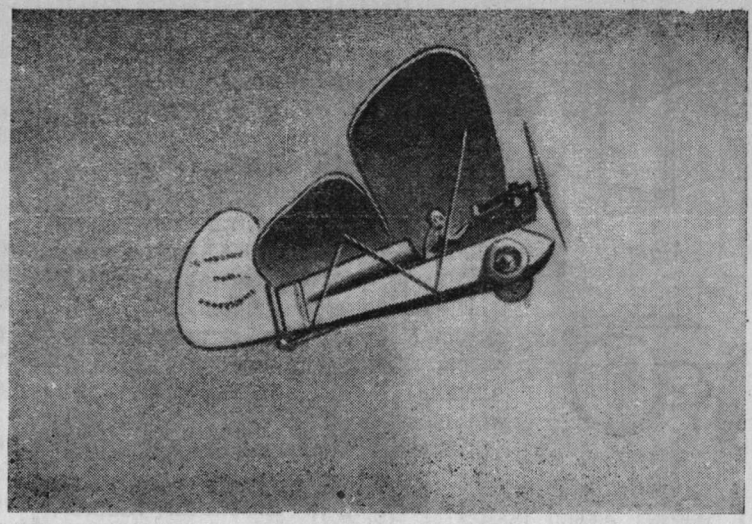
Это, конечно, легко сказать звеньевым: «Представь к такому-то числу столько-то заметок, а то...» А толка от этого никакого нет. Прежде чем составлять план номера, надо обязательно поговорить с ребятами, узнать, о чем хотят ребята написать. И пусть каждый пишет на ту тему, которая его интересует. Надо обязательно привлечь к выпуску газеты ребят, которые хорошо рисуют. Иногда одной карикатурой можно добиться больше, чем если поместить несколько статей. Да и газета, когда много рисунков, выглядит веселей, ярче.

Почему стенгазета скучная

В этом году за полтора месяца учебы в нашем отряде не вышло ни одной стенной газеты. Сколько раз редактор ни об'являл, что надо писать, но ничего не получается. Ребята не пишут. Тогда у нас делают так. Редактор дает задания каждому звеновому: «Тебе надо подать столько-то заметок». А уж звеновой распределяет в своем звене. Я думаю: это неправильно, ведь писать в газету надо добровольно, а не по заданиям.

А писать ребята будут в газету тогда, когда она будет интересной. Ведь неприятно смотреть, когда на стене висит газета рваная, ободранная, неинтересная. Что ни заметка, то пол-листа. Начнешь читать и не кончишь. Я помню: в прошлом году в нашем отряде была одна очень интересная газета. В ней было много карикатур. И эта газета подействовала на ребят больше всех других газет, потому что это было очень интересно и живо. По-моему, в стенной газете надо помещать ребусы и загадки. У нас это раньше делалось, только никогда не помещали ответов на ребусы. Это очень плохо. Для газеты должно быть постоянное место, а то в прошлом году мы выпустили первый номер газеты и ходили по всей школе, не знали, куда повесить ее. Мне нравится отдел «Кому что снится». Только надо его делать остроумнее. Я предлагаю созвать всех редакторов газет и поговорить с ними, как лучше делать газету.

НЕБЕСНАЯ БЛОХА



А. Некрасов

Рисунки А. Шульца

В прошлом году на авиационной выставке в Париже появилась удивительная машина — фанерная лодочка с колесами, вроде педального автомобиля. Над лодочкой два широких крыла, позади большой руль, а впереди мотор от мотоциклетки с маленьким пропеллером.

Рядом с роскошными пассажирскими самолетами и сверхмощными бомбовозами и истребителями эта машина казалась не очень хорошо сделанной моделью-самоделкой.

Это и была самоделка, но только не модель, а настоящий самолет-самоделка. Построил ее француз Анри Минье вдвоем со своей женой. Минье никогда не был ни инженером, ни летчиком. Он, правда, пробовал выучиться летать, но из этого ничего не вышло: слишком сложным и трудным делом показалось ему управление настоящим самолетом. Тогда Минье решил сам построить самолет попроще.

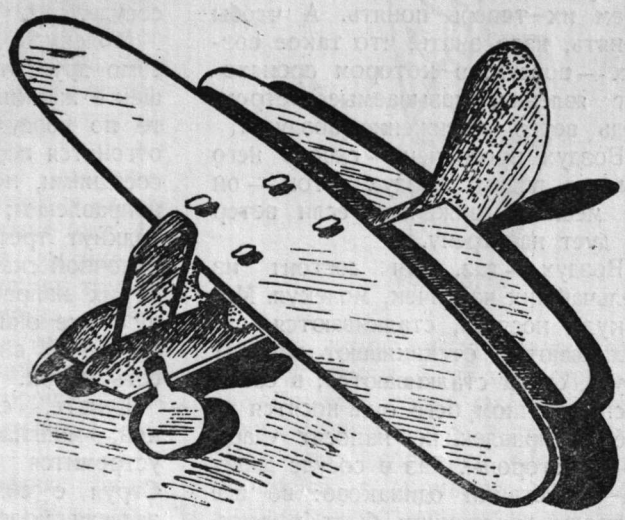
Денег на постройку у него было мало, настоящих инструментов совсем не было, а строить свой самолет в городе, в мастерской он не решился: побоялся, что ему не разрешат летать на таком самолете. Тогда он забрался в глухой лес, разбил там палатку и за два года кое-как выстроил свою машину. Там, в лесу, некому было запрещать пробные полеты и Минье однажды сел, завел мотор и полетел. Машина легко поднялась и в полете оказалась устойчивее и надежнее настоящего самолета.

Тогда Минье решил, что довольно секретничать. Он показал свою машину специалистам и предложил ее для постройки авиационным заводам. Но специалисты и заводчики все как один забраковали самолет Минье. Они говорили, что это не самолет, а блоха и что летать на этой блохе невозможно. А когда Минье на глазах у всех сел на свою «блоху» и полетел, они сказали, что на повороте блоха непременно свалится и разобьется. Но Минье благополучно повернул и сел, пробежав на посадке всего 15 метров. Только после этого «блоху» допустили на авиационную выставку. Но и тут нашлось немало специалистов, которые утверждали, что «блоха» — не самолет, а игрушка и что на ней можно прыгать, а для настоящих полетов она не годится.

И вот совсем недавно, 13 августа, Минье сел на свою «блоху» и полетел на ней из Франции в Англию. В 7 часов вечера он вылетел из французского города Кале и меньше чем через час сел на английском аэродроме в Лиме. Англичане не хотели верить, что на такой игрушке можно перелететь Ламанш, и долго щупали и осматривали самолет-самоделку, точно хотели убедиться, что это не сон и не призрак. Наконец, служащие лимского аэродрома пришли в себя и сообщили в газеты о прилете необыкновенной «блохи». Меньше чем через полчаса на аэродром примчались репортеры, защелкали фотоаппараты, изобретателя стали осаждать просьбами рассказать о «блохе». Но ему почти нечего было рассказывать.

То, что его летающая «блоха» проще и дешевле любого самолета в мире, что вся она сделана из простых досок, фанеры и полотна и управляется в полете одной ручкой, — это и так все видели. Что «блоху» может построить любой человек, умеющий заколотить крышку ящика, тоже все поверили. А чем отличается «блоха» от всех других самолетов, — это само бросалось в глаза.

Есть самолеты-монопланы, с одним крылом, и есть бипланы, с двумя крыльями. А «блоха» — не моноплан и не биплан. У нее два крыла, только помещены они не одно над другим как у биплана, а одно позади другого. Заднее крыло находится у «блохи» там, где у обыкновенного самолета фюзеляж, между хвостом и передним крылом. Хвост у «блохи» тоже совсем особенный. У обыкновенного самолета есть горизонтальный хвост — стабилизатор (он же руль глубины)—и вертикальный хвост — киль (он же руль поворотов), а у «блохи» стабилизатора нет, есть только



Такую „блоху“ можно сделать самим из бумаги

Мотор

Шасси

киль, но зато он сделан очень большим, чтобы «блоха» лучше слушалась управления.

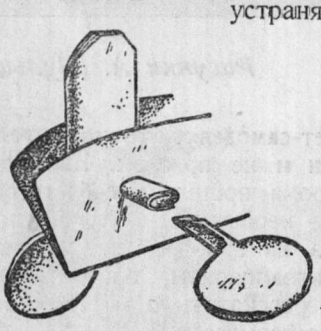
Крылья у «блохи» широкие и устроены так, что если посмотришь сверху, кажется, что вся «блоха»— одно большое крыло. Поэтому, даже когда мотор останавливается, «блоха» не падает, а опускается медленно, почти как парашют.

Но самое замечательное, что придумал Менье,— это система управления. У всех самолетов устроены элероны — подвижные кончики крыльев. Летчик наклоняет ручку управления вправо и влево, изменяет этим положение элеронов и устраняет крен самолета. Наклоняя ручку вперед и назад, летчик управляет рулем высоты, а ногами дает повороты. А на «блохе» ногами не приходится работать. Все управление в одной ручке. Наклонишь ее вперед — переднее крыло наклоняется передним концом книзу, и вся «блоха» идет вниз. Потянешь ручку к себе—«блоха» летит кверху. Наклонишь ручку направо — повернется руль поворотов, и вся «блоха» полетит направо. А элеронов у «блохи» совсем нет. Казалось бы, что без элеронов «блоха» будет валиться на бок. Но Минье придумал очень остроумную штуку. Он поставил крыло повыше, а концы его загнул кверху. Получилось, что весь самолет висит на крыле как маятник. Из любого наклона «блоха» сама приходит в вертикальное положение.

«Блоха» весит 120 килограммов. Минье говорит, что ее можно построить в месяц. Сейчас во Франции и Англии сотни любителей строят такие «блохи». Некоторые уже построили и летают.

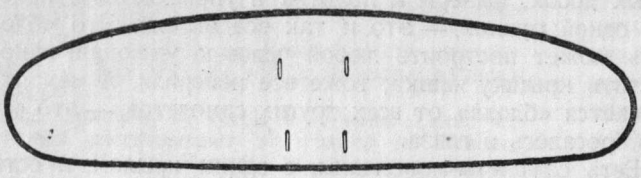
Интересно, что год назад, когда самолет-самоделка только что появился, специалисты презрительно окрестили его «блохой». А сейчас, когда «блоху» признали и это название за ней укрепилось, газеты подняли шум и настаивают, чтобы «блоху» назвали «пчелой», «стрекозой», «райской птичкой» и еще как угодно, только не блохой.

Можно сделать «блоху» и из бумаги. Мы попросили товарища Анохина, он нам дал выкройку и показал, как нужно собирать бумажную «блоху». Это все показано на рисунках.

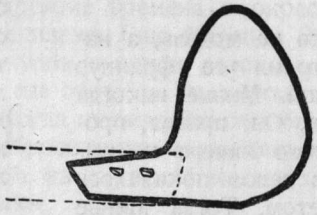


Так собрать мотор, фюзеляж и шасси

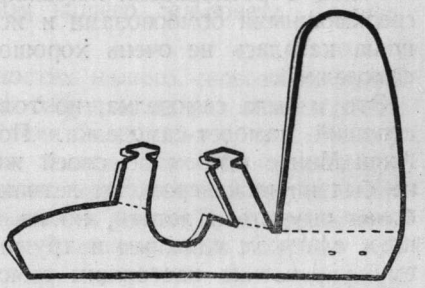
Вот выкройки „блохи"



Крылья



Хвост



Фюзеляж

СЕКРЕТЫ ВЕТРА

В прошлом номере «Пионера» мы узнали про секреты ветра, про неожиданные и непонятные фокусы, которые ветер вытворяет. Попробуем их теперь понять. А чтобы понять, надо знать, что такое воздух — воздух, в котором происходят явления, называемые ветром. Ведь ветер — движение воздуха.

Воздух прозрачен — сквозь него мы все видим. Воздух легок — он не мешает движению, если ветер не дует навстречу.

Воздух — газ. Он состоит из мельчайших частичек, молекул. Молекулы носятся, сталкиваются, отталкиваются, отскакивают друг от друга, снова сталкиваются; в своем беспорядочном беге они носятся во всех направлениях, наносят удары во все стороны. Газ в сосуде давит на все стенки одинаково: во все стороны по стенкам бьют молекулы. Но суньте пробку поглубже и отпустите ее — молекулы выжмут ее наружу: молекулы были сжаты, им осталось меньше пространства для разбега, они надавили пробку и снова увеличили пространство в сосуде.

Молекулы мечутся почти независимо друг от друга, как туча мошек в жаркий летний день. Махните по воздуху книгой — молекулы отгонятся переплетом, столкнутся с соседними, погонят и их в том же направлении; эти в свою очередь толкнут третьи и вместе с беспорядочной скачкой молекул создастся их направление в одну сторону — все они помчатся туда, куда погнал их взмах книги. Вот это и есть поток.

Дуньте, сложив губы трубочкой,—миллиард молекул воздуха устремится из легких струей. Струя с силой помчится вперед, задевая молекулы спокойного воздуха из слоев ниже, выше, справа и слева от струйки. И эти соседние частицы воздуха, задетые первыми, устремятся за частицами струи, смешаются с ними, будут вливаться в струю. И кроме основного потока, от губ вперед создадутся добавочные, менее мощные, из соседних слоев воздуха в струю.

Книга, которой мы взмахнули, была окружена воздухом со всех сторон. Взмах — движение в одну сторону. Один переплет книги толкнет все молекулы, которые соприкасались с ним в момент взмаха, сгустит их. А от молекул с другой стороны переплет быстро отойдет, с этой стороны образуется вроде пустоты; в эту пустоту—здесь молекулам ничто не мешает двигаться — они устремятся. Вот что вышло: с одной стороны книги молекулы помчались, потому что их погнала двинувшаяся на них книга; с другой — молекулы сами ринулись в пустоту и в том же направлении. С одной стороны в момент

взмаха создалось сгущение молекул, с другой — разрежение.

Наш первый опыт расскажет об этом еще яснее.

Листок свободно висит в руках, выгнулся дугой кверху. Вы подули вдоль горба—струей понеслись мимо молекулы, увлекая в свой поток воздух со всей поверхности листка. Молекулы приобрели направление вдоль листочка, и бумажка перестала бомбардироваться ими с обеих сторон одинаково: снизу свободные молекулы, отскакивая равномерно во все стороны, попрежне-

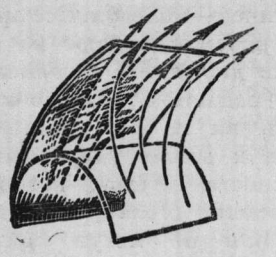


Рис. 1.

му бьют частую дробь по листку, в то время как верхние увлечены потоком, отнесены с листка. И под влиянием нижних ударов листок поднимается вверх. На рис. 1 показано стрелками направление давления и движения бумажки. Вы видите, как велико это давление.

Еще ярче явление с двумя листками, когда дуют м е ж д у ними. Струя воздуха уносит воздух, расположенный между листками бумаги, внутри создается р а з р е ж е н и е, а снаружи на бумагу действуют прежние удары, т. е. д а в л е н и е, и бумажки слипаются.

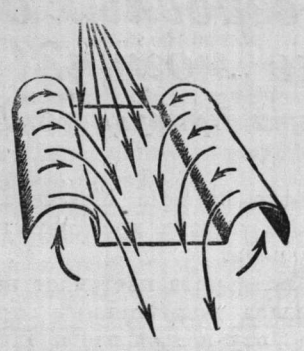


Рис. 2.

Листочки, полукругом висящие по бокам картона, ведут себя так же. Вы дуете (рис. 2) вдоль картона (пучок прямых стрелок). Поток несется вдоль картона, увлекает воздух, лежащий над листочками: воздух втягивается в поток по кривым стрелкам и уносится вместе с первоначальным. Н а д листочками получается разрежение, а п о д ними молекулы продолжают свою бомбардировку, чем поднимают (по жирным стрелкам) листочки, которые в конце концов загибаются на картон.

Третий раз явление разрежения легко увидеть на опыте с двумя дисками на проволочке (рис. 3). Вы дуете на неподвижный диск. Он служит щитом от ветра второму, который может быть даже больше первого. Струя воздуха разбивается о щиток и разлетается от него и вдоль него во все стороны. Воздух, находящийся за диском, увлекается по стрелкам, и между дисками происходит разрежение, а воздух с задней стороны подвижного бомбардировкой-давлением загонит диск навстречу неподвижному, навстречу струе, как это ни кажется удивительным.

Шарик с воронкой рассказывает о другом явлении — об обтекании. Струя из щели воронки скользнет по крутым бокам шарика и, пройдя его, будет стремиться сохранить это направление, т. е., соскользнув со всех сторон вниз, завернется, и все части струи встретятся под шариком, столкнутся и завихрятся.

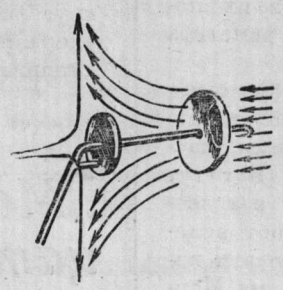


Рис. 3.

Так как вы сильно дуете, вы загоняете все молекулы воздуха п о д шарик, под ним получается сгущение, а воздух н а д шариком увлечен струей, над шариком мало воздуху, его почти не осталось, под шариком разрежение. Если сгущение внизу, а разрежение наверху, снизу большее давление, настолько большее, что способно уравновесит вес шара, и он держится на весу, прижимается к воронке (рис. 4).

То же вы видите на мостике из бумаги (рис. 5). Струя из трубки обтекает крутизну моста, завихряется сзади, да еще увлекает в эти вихри далее лежащий воздух, и давление с другой стороны повышается — мостик задвижется навстречу струе.

Наконец, наша последняя загадка со свечкой. А она самая простая. Струю воздуха вы пускаете на крутой бок ящика. Он встречает стенку, и, так как ему некуда деться, круто поднимается вверх по жирной стрелке (рис. 6). Если ящик достаточно высок, — поток воздуха, минуя стенку, все еще продолжает подниматься вверх. В эту струю втягивается воздух с

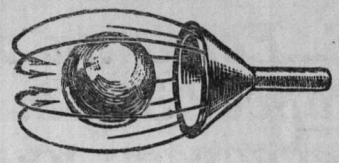


Рис. 4.

боков, как показано на рисунке, и увлечет за собой пламя свечки к краю ящика, к вертикальной струе.

Вот некоторые раскрытые секреты ветра. А сколько их еще и сколько подобных явлений вы ви-

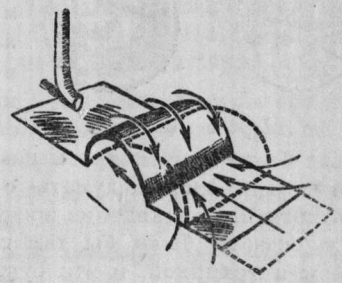


Рис. 5.

дите постоянно в повседневной жизни и можете теперь их об'яснить сами! Многое множество опытов можно проделать с папиросным дымом, пуская его и наблюдая, как и куда он движется. Пустите, например, дымок около стекла керосиновой лампы. Куда он устремится? Почему воздух внутри стекла лампы стремительно несется вверх? Часто дым, спокойно распространяющийся в комнате широкими клубами, вдруг стремглав мчится в какую-нибудь узкую щель, как только ее достигнет.

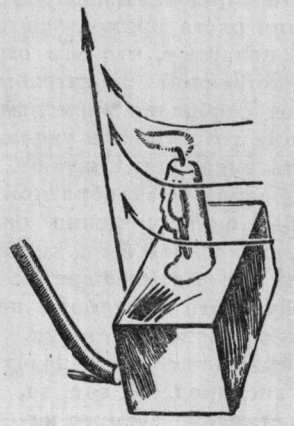


Рис. 6.

С. Б.

ВОПРОСЫ и ОТВЕТЫ

„...Есть ли жизнь на Марсе? Этот вопрос интересует многих ребят в нашей школе".

(Из письма Воли Вилкомирова).

Марс от нас так далеко, что в самый большой телескоп, какой только есть на земле (он в Америке, установлен на высокой горе, чтобы глядеть через чистый воздух), так и то не увидишь там самое огромное животное, какое только было в доисторические времена на земле. Даже большие стада таких животных нельзя было бы усмотреть с земли в самые мощные трубы. Приходится думать о том, как бы подглядеть хотя бы проявления жизни.

Марс в телескоп.

Ну, скажем, были бы там существа вроде людей, с умом и техникой, и эти существа производили бы такие гигантские сооружения, были бы эти их постройки заметны в телескоп? Нет, и этого заметить пока не могли.

Тогда возникает еще вопрос: может быть, можно заметить растительную жизнь на Марсе? Не отдельные, конечно, растения, а огромные, допустим, массивы лесов, зарослей, лугов каких-нибудь? Вот тут подозрения пали на пятна, которые видны в телескоп на планете Марс. Пятна эти то бывают зеленые, то буреют. И как раз выходит так, что эти изменения цвета приходятся на весну и осень на Марсе. И полагают, что это огромные площади, покрытые лиственной растительностью, меняют окраску листьев сообразно временам года.

Кроме того ученые узнали, что в атмосфере Марса есть кислород. Считают, что кислород оставаться в свободном (газообразном) виде в атмосфере не мог бы: он непременно окислил бы окружающие предметы, вошел бы в химическое соединение с чем мог, и его в атмосфере не осталось бы, если запас газообразного кислорода не пополнять. Пополняют его в природе растения. Они выдыхают газообразный кислород. И вот то, что в атмосфере Марса нашли газообразный кислород, еще больше увеличило подозрения, что на Марсе должна существовать зеленая растительность. А об остальном пока ничего не может сказать наука.

Борис Житков

Самый большой телескоп.

„Почему на большой высоте нет воздуха?"

(Из письма Шуры Ревницкого, г. Горький).

Воздух — газ, состоящий, как ты знаешь, из маленьких частичек—молекул. Все предметы притягиваются к земле, падают на нее, если ничто их не держит. И большой и маленький камни падают одинаково к ногам, стоит только выпустить их из рук. Молекулы газа также притягиваются к земле, удерживаются ее притяжением у поверхности в слое, который называется атмосферой земли. Молекулы подвижны, легки, малы, потому они не могут прилипнуть к поверхности, а носятся в этом слое. Но чем дальше от земли, тем слабее притяжение, и на известной высоте его сила настолько мала, что уже не удерживает молекул газа воздуха, и они улетают в пространство.

Получается такое явление: на расстоянии, где сила притяжения держит газ, он образует слой вокруг земли, а дальше воздуху нет, притяжение не удерживает, и частицы его рассеиваются в безвоздушном пространстве.

С. Б.

„Могут ли четырнадцатилетние ребята устоять против роты настоящих, взрослых солдат или не могут?"

(Из письма Вити Прилуцкого, Киев).

Не только могут, но рота 14-летних ребят может устоять против трех рот и даже целого батальона.

Почему? Если рота наступает на роту, которая заняла укрепленные позиции, обороняется, то такую роту нельзя взять одной ротой, потому что она хозяин на укрепленной местности, хорошо пристрелялась по тем местам, по которым пойдет противник. Поэтому обороняющаяся рота 14-летних наших ребят, конечно, хорошо обученных, умеющих стрелять, может не подпустить даже целый батальон, ведя меткий, убийственный огонь из своих винтовок.

Командир дивизии *В. В. Хлебников.*

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ** Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдано в набор 20/X—1935 г. Подписано к печати 17/XI—1935 г. Изд. № 1049 Формат 62×94 см. 3 п. л. 55 000 зн. в печ. л.

Уполномоченный Главлита № Б—8990 Заказ № 2255 Тираж 60 000

Типография газеты «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 8.

Под редакцией С. М. Шпрехера

ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ШАХМАТИСТОВ

Шахматная партия заключается в том, что каждый играющий стремится дать другому мат.

Как мы уже говорили в прошлых уроках, у каждого из играющих есть по 16 фигур, играя которыми он старается добиться выигрыша.

Прежде чем перейти к описанию сравнительной силы шахматных фигур, нужно сказать, что эта сила, конечно, условная, и рассчитывать только на нее в практической игре, конечно, нельзя, так как при игре очень важным является положение фигур, их активность и способность их общего действия на позиции противника.

Тем не менее при разменах и при подсчете своих сил можно исходить вот из чего.

Самая сильная фигура — ферзь. Ферзь, находясь на середине доски, может пойти, по своему выбору, на 27 разных полей, и кроме того он может бить фигуры противника в 8 разных направлениях. Подвижность и ударная способность ферзя, как и всех других фигур, в углу доски или на краю доски немного уменьшается.

Второе место по силе занимает ладья, подвижность которой равна 14, т. е. она может из любого места пойти на 14 разных полей, ударная способность ладьи на середине доски равна 4, на краю доски — 3 и в углу—2.

Слон, конечно, слабее ладьи, так как, во-первых, обладает значительно меньшей подвижностью и ударной способностью, а во-вторых, слон в отличие от других фигур может ходить только по полям своего цвета: белопольный по белым полям, и чернопольный по черным полям.

Конь по своей силе приблизительно равен слону, причем хоть конь и обладает большей ударной способностью чем слон, так как может бить во всех направлениях, но зато он значительно менее подвижен чем слон.

Ферзь и ладья называются тяжелыми фигурами, а слон и конь—легкими.

Наиболее слабая фигура, конечно, пешка.

Однако пешка обладает впротивовес всем другим фигурам одним очень ценным качеством, которое в зависимости от положения пешки повышает ее ценность.

Пешки при достижении 1-й или 8-й горизонтали превращаются в любую фигуру, независимо есть ли она или нет, и, таким образом, ценность пешек при их продвижении вперед все возрастает.

В заключение несколько слов о короле. Король, имея возможность двигаться и бить фигуры противника во всех направлениях, по существу является довольно сильной фигурой, однако по условиям игры потеря короля равносильна проигрышу партии, и в практической игре короля вследствие этого всегда необходимо защищать, следовательно, король очень редко может проявить свою силу. Тем не менее бывает ряд таких положений, когда на доске остается мало фигур, что, конечно, уменьшает опасность для короля попасть под удар, и в таких случаях король благодаря своей способности проникнуть на любое поле доски проявляет свою силу, иногда решающую партию.

Такова сравнительная ценность фигур. Тут нужно еще раз подчеркнуть, что эта ценность является условной, и исходить только из нее, конечно, нельзя. В практической игре очень много значит расположение своих фигур и фигур противника, но, тем не менее, на основе этой сравнительной ценности фигур можно производить примерные расчеты выгодности того или иного обмена и т. д.

Три пешки приблизительно равны слону или коню.

Если в процессе игры есть возможность взять ладью противника и отдать за нее только одну легкую фигуру (коня или слона), то это называется «выиграть качество».

Таким образом, разница между силой ладьи и легкой фигуры называется качеством, а равно оно приблизительно 1½—2 пешкам.

Из этого можно сделать вывод, что ладья равна легкой фигуре плюс 1½—2 пешки.

Две легкие фигуры обычно сильнее ладьи. Ферзь равняется примерно двум ладьям.

Если перевести эти сравнения на цифры, и считать пешку равной единице, то слон и конь будут равны 3, ладья 4½, а ферзь — 9.

Но опять-таки при игре никогда не надо забывать об особенностях той или иной позиции и общего расположения всех фигур и только уже после этого решаться на различные размены фигур.

Решение задач, помещенных в № 15 журнала „Пионер"

Задача А. В. Гуляева

Белые: Крe6, Лg4, Сc2, Кd4 пешки a2, b3 (6).

Черные: Крc5, Лe7, пешки a6, b6, c6, e7 (6)—мат в три хода.

1-й вариант.

1. Кd4—d5 1. a6 : b5
2. b3—b4 ×

2-й вариант.

1. Кd4—b5 1. c6 : b5
2. b3—b4 + 2. Крc5—c6
3. Сc2—e4 ×

3-й вариант.

1. Кd4—b5 1. Крc5 : b5
2. a2—a4 + 2. Крb5—a5
3. b3—b4 ×

4-й вариант.

1. Кd4—b5 1. a6—a5
2. Лg4—g5 + 2. Крc5—b4
3. a2—a3 ×

5-й вариант.

1. Кd4—b5 1. Лc7—c8 или любой другой ход
2. b3—b4 + 2. Крc5 : e5
3. a2—a4 ×

Задача А. Куббеля

Белые: Крe7, Фd2, Лf1, Сe3, Сe6 (5).

Черные: Крe4, Лg3, пешки c5, g6, g5 (5)—мат в два хода.

1-й вариант.

1. Лf1—e1 1. Лg3 : e3
2. Фd2 : e3 ×

2-й вариант.

1. Лf1—e1 1. Крe4—f3
2. Фd2 : d5 ×

3-й вариант.

1. Лf1—e1 1. Любой ход ладьей или пешкой
2. Фd2—d5 ×

Правильные решения этих задач прислали: В. Миллер (Москва), Д. Ермоленко (Москва), Лидек (Бобруйск).

Цена 30 коп.

№ 8811

II, 1965
Акт № 7